

A man with long, wet hair, seen from behind, stands waist-deep in a calm lake. The water reflects the vibrant colors of the night sky and the surrounding forest. The sky is a mix of deep blues and purples, with a bright red nebula or comet streak visible. The forest is composed of dark evergreen trees, some of which are illuminated by a soft, ethereal light. The overall mood is mysterious and surreal.

ПАЛАЧ

КОНЕЦ ОТПУСКА

ПАВЕЛ КАЗАКОВ

Павел Казаков

Палач. Конец отпуска

<https://litres.ru/74611058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Куда пропала привычная тяга к авантюризму и шуткам? Что делать, если единственное, что мной движет, это желание убить? Как это так: одновременно уметь и не уметь драться? Кто пытается меня остановить? Чтобы ответить на эти вопросы, придётся идти вперёд, но, возможно, часть ответов скрыта в странно туманном прошлом.

Фантастический боевик. Бои (с оружием и без), суперспособности (не ультимативные, а так, чтобы ГГ не сдох раньше времени), юмор и любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	39
Глава 3	57
Глава 4	78

Павел Казаков

Палач. Конец отпуска

Глава 1

1.

Когда собираешься убить человека в первый раз, жутко не хватает какой-нибудь инструкции для начинающих. Для убийц-новичков. Например, «Десять шагов к успешному убийству», «Убей или сдохни!», или «Убивать просто. Рассказывает профессионал». Вот честно, купил бы за любые деньги. Или что-то типа «Внутренний мир начинающего убийцы. Как не сойти с ума». Очень нужно. Последнюю книгу я бы поставил на первое место. Неожиданно актуальная задача на данный момент. Что-то со мной не так, очень не так.

Один, мягко говоря, нехороший человек должен умереть. Это никаких сомнений не вызывало. Тут как раз всё в порядке. Никакой неуверенности или сомнений в том, что это должно произойти. Сомнения были только в отношении способа, как провернуть всё так, чтобы меня не поймали. Склонности к самоубийству этот тип не проявлял, поэтому придётся убивать.

С недавних пор все мысли только на эту тему. Как убить.

Как не попасться. Как убить, чтобы не попасться. Как не попасться после того, как убил. И по кругу. Если сама задача была абсолютно правильной, то вот моё состояние правильным не казалось. Я зависал, полностью выпадая из реальности. Мне это не нравилось, но и поделать с этим что-то я не мог. Ну, ведь нельзя назвать нормальным, что я замираю, как статуя, на секунды или даже минуты с полностью остекленевшим взглядом. Да ещё и окружающие это замечают. Вроде и не засыпаю, но и не бодрствую.

Всё начинается с мыслей об убийстве, а потом сам не замечаю, как будто проваливаюсь куда-то. Через какое-то время прихожу в себя, но помню только, с чего началось, а потом тьма. Что-то с этим надо делать, а что, не знаю.

Я же так скорее с ума сойду, чем убью эту тварь!

Елисей должен умереть. Такие люди, как он, просто не имеют права жить. Истинность этого тезиса не вызывала у меня никаких сомнений. Чем больше я об этом думал, тем сильнее будто погружался в колодезь, где вместо воды овеществлённая ненависть, и тем сильнее болела голова. Раньше голова вообще никогда не болела, но до этого я всерьёз не планировал никаких убийств, да и в принципе не было такого, чтобы я сильно кого-то ненавидел.

А тут всё изменилось: никаких сомнений или моральных терзаний я не испытывал, наоборот, уверенность в правильности своего решения была всепоглощающая и бескомпромиссная. Любые варианты будущего, когда жить продолжаем

мы оба, были неприемлемы. При этом я чувствовал, что затягивать с реализацией задуманного нельзя. Никакой таймер обратного отсчёта цифрами перед глазами не мигал, но что-то во мне уверенно твердило, что нужно закончить с этим как можно быстрее.

Как двадцатитрёхлетний парень может убить ублюдка, который на пару лет старше, таким образом, чтобы не быть пойманным, чтобы не осталось следов, чтобы никто не узнал? Как строитель может убить сына прокурора? Меткий снайперский выстрел? Нож в сердце или ножом по горлу? Классика из фильмов про наёмных убийц. Но я не наёмный убийца и не планирую им становиться. Мне просто надо лишить жизни одну мразь, которая и так уже слишком долго дышит со мной одним воздухом.

Один раз убить одного человека...

Так вот возвращаясь к моему плану. У меня нет плана. Я просто кручу в голове одни и те же мысли. «Убить» и «не попасться». Никакой оригинальности и много тупости в мыслях. Но раз не думать на эту тему я не мог, то, чтобы самые безумные варианты не оттягивали внимание, я решил осознанно их все рассмотреть. В самом нереальном и невыполнимом плане может быть что-то интересное или ценное. Чего бы и не устроить мозговой штурм самому с собой. Или самому себе. Пока, правда, у меня в мозгах шторм, а не штурм. В общем, буду думать. Хуже не будет. Ну, не считая головной боли.

Итак. Вариант «Застрелить издали». Отпадает. У меня нет не то, что винтовки, у меня в принципе нет никакого огнестрельного оружия. Рогатка? Не... Ненадёжно. Значит, придумаю что-нибудь другое. Существует огромное количество способов уничтожения себе подобных без использования пуль и пороха. Но только я не специалист ни в чём из этого. Всё моё преимущество – это хорошая физическая подготовка. Правда, без каких-либо особых навыков в единоборствах. Я до сих пор считаю себя «заготовкой»: из профессиональной гимнастики пришлось уйти просто потому, что чрезмерно оброс мышцами и вытянулся вверх, превысив все приемлемые гимнастические габариты. Сила была, техника была, но топовые упражнения я уже вытащить не мог. Лёгкости не было. Поэтому мастер спорта – это, к сожалению, мой потолок, которого я с честной гордостью достиг. Заниматься для себя – только душу травить, наблюдая за парнями, которые готовятся к чемпионатам. А в других видах спорта я не прижился. Вроде, везде неплохо получается, в кроссфите – так особенно, но профессионально заниматься душа не лежит.

Ладно, возвращаясь к насущным вопросам... Мне как-то надо убить парня двадцати пяти лет. Пистолет? Нет. Отравленные иглы? Нет. Иглы, может, и есть, отравы нет. Обрезок трубы? Меч? Нож? Камень? Ножницы, бумага... Тьфу...

Мысли шли и шли по кругу. Надо было что-то решать, но план не складывался. Мне ужасно не хотелось, чтобы ме-

ня поймали, судили и вообще как-то наказывали. Я ничего не имею против, когда в тюрьму за убийство сажают кого-то ещё, но самому очень не хочется. Да, двойные стандарты, но извините... Не знаю, какие у других ситуации, а у меня всё очень даже оправданно... Буду думать дальше.

– Маугли, ты опять мозги приморозил? – вернул меня к восприятию действительности крик босса. – Ты что там застыл, как хрен мамонта? Давай спускайся на обед! Как ты умудряешься спать на лесах?!

– Я не сплю, Егор Семёныч! Просто задумался! – проорал я в ответ. Откуда он хоть черпает вдохновение для своих ругательств. Почему хрен мамонта? Вчера же только был сломанным фаллоимитатором. Сходство прослеживается, но очень отдалённое.

Крик Егора Семёновича, нашего босса, застал меня стоящим на верхнем этаже лесов. На этих самых лесах я обитал в роли бригадира небольшой команды строителей последние два с половиной месяца.

– Задумался он... – беззлобно проворчал Семёныч. – Вниз давай! Только без своих штук!

Под «штучками» Семёныч подразумевал мой способ спуска с лесов. Я же, как обычно, решил положить вышеупомянутый хрен мамонта на его пожелание и, игнорируя лестницы, с пятого этажа секунд за десять спустился по лесам на землю, прыгая как обезьяна, больше цепляясь руками за перекладины лесов, чем опираясь на ноги. На Семёныча мож-

но было не смотреть, я и так знал, что он стоит, недовольно закатив глаза. Но какого-то выговора я мог не опасаться – Семёныч не работал бы лично на лесах в свои пятьдесят лет, если бы не любил сам поскакать на высоте на свежем воздухе. Его попытки меня дисциплинировать я постоянно и безнаказанно игнорировал.

Спуск немного привёл меня в чувство. Всякие кровавые мысли покинули мою буйную головушку. Я понял, что весьма голоден, и помчался мыть руки. Вообще, с этим навязчивым желанием убить Елисея (тьфу, что за имя!) что-то было не так. Каждый раз, когда я о нём думал, будто проваливался в какой-то свой личный ад. Любая мысль, что он всё ещё жив, доставляла мне чуть ли не физическое страдание. Только сделав определённое усилие, я мог переключиться на рабочие задачи. Но мысли снова сами возвращались к Елисею. В какой-то момент это стало серьёзной манией, с которой я, вроде, и мог бороться, но, выигрывая в битве, однозначно проигрывал войну. Я всё более отчётливо понимал, что если не придумаю какой-то разумный план, то просто накинусь на Елисея на улице и попробую задушить или прибить как-то ещё.

И плевать на последствия!

Приходилось насильно вытаскивать себя из этих мыслей, шутить, работать. Учитывая, что работал я на высоте, а страховкой мне служили исключительно хорошо прокачанные на гимнастике координация, сила и ловкость, то плохой кон-

троль собственного внимания мог привести к тому, что из нас с Елисеем в живых останется только один, и это буду не я. Также мне не нравилось, что когда я погружался в эти мысли, то выпадал из реальности настолько, что вообще не слышал и не видел, что происходит вокруг. Для себя я это объяснял тем, что всё из-за стресса, который я испытываю, планируя настоящее убийство. Что-то с этим надо делать.

Убью урода, и всё пройдёт – в который раз решил я. Сейчас пора обедать!

– Не спеши, Маугли, – заметив, что я рванул к подсобке, остановил меня босс, – расскажи хоть, как работа идёт.

Я подошёл и стал отчитываться:

– Торцевую стену закончили, сейчас ставим леса на фасад, директор разрешил привязываться через окна к батареям, чтобы лишних крючьев в стену не вбивать. Ставим быстро. Новенькие работают неплохо, бодрые парни, спортсмены, уже меня в оборот взяли, тренируемся на перерывах. То я их на руках стоять учу, то они меня по лапам бить. После обеда я верхний этаж лесов сам достраивать буду, а внизу штукатур начнёт уже стену выправлять с Лёхой, а скульптор с Серёгой пойдут балясины лепить, там их до хрена по крыше идёт. И настолько развалившиеся, что заменять почти все придётся. За завтра с подготовкой стены закончим и можно будет грунтовать.

– Что-то из красителей надо?

– С этим всё в порядке, а вот известью лучше запастись

сразу. Камаза два вези смело, чтобы по цвету косяков не было. Песок вроде есть, но на всякий пожарный завези ещё. Хочу подстраховаться, а то он разных оттенков бывает – даже если цветной раствор по рецепту правильно замешиваем, всё равно могут быть перепады по яркости.

– Ладно, решим. Всё будет, – Семёныч ничего не записывал, но я был уверен, что всё будет как надо. – Новенькие, говоришь, нормальные?

– Да, носятся, как надо. Когда под дождём заставил на леса лезть, офигели немного, но без соплей восприняли. Лёха уже давно к высоте привык, Серёгу немного потряхивает, но он справится. По щитам я попрыгал, держат хорошо.

– Попрыгал он... А если под тобой сломается?

– Так пусть подо мной и ломается, я-то точно не упаду, а если под кем-то ещё, то это косяк будет.

– Ладно, всё равно осторожней.

– Конечно! – честно соврал я.

– Ладно, иди, а меня ещё директор гостиницы звал. Что-то обсудить хотел.

Забежав за едой и помыв в подсобке руки, я направился к беседке на детской площадке, месту наших обедов и ужинов на работе. Беседку во дворе жилого дома, стоящего рядом с гостиницей, которую мы реставрировали, наша бригада бессовестно отжала у местных детишек. Ну, как отжала... Скорее арендовали, расплатившись несколькими массовыми закупками мороженого и парой мастер-классов по замешиванию.

ванию раствора. Те пацаны и девчонки, которые в солнечные весенние дни смогли найти время оторваться от гаджетов, с удовольствием надели строительные каски, переместились на наш строительный участок и полчаса внимали нашему человеку-бетономешалке Димону, который объяснял все тонкости замешивания раствора. Димон, почувствовав себя знаменитостью, ничуть не зазнался, а то, что он часто запинаялся, объяснялось тем, что пришлось растолковывать весь процесс, не используя нецензурную лексику. Димону было сложно, но под конец своего выступления он почти не запинаялся. В общем, беседка у нас была, и на время нашего обеда и ужина никто её не занимал.

В течение пяти минут собралась вся бригада, все шесть человек: Димон – раствор, Лёха и Серёга, восемнадцатилетние парни, выполнявшие важные функции типа «подай», «принеси», «держи тут» и так далее, Саня – штукатур, Женья – скульптор, и я. Все вместе мы отвечали за то, чтобы гостиница поменяла цвет с зелёно-серого, на более приличный кремовый, при этом нам предстояло заделать все трещины и прочие накопившиеся со временем косяки. Ну и, конечно, все эти архитектурные «рюшечки» в виде модульонов и балясин нам предстояло тоже обновить или заменить на новые. Здание мы красили «шубой», цветным раствором. Этим занимался в основном я. Вот и вся бригада, которая отвечала за реставрацию одной из центральных гостиниц нашего города. Семёныч иногда сам выходил на леса, но всё больше

решал административные задачи, оставив всю оперативную работу на меня.

Когда мы уже начали есть, подошёл Семёныч и тут же выдал нечто неожиданное:

— Значит так, бездельники, ситуация у нас кардинально меняется. Если точнее, то сильно усложняется. Только что я общался с директором гостиницы. Он говорит, что нашей работой доволен, темпами, качеством и всё такое. Но, говорит, леса сейчас ставятся у стены, куда выходят окна люксовых номеров, и, говорит, постояльцы жалуются на непрерывный поток мата в окна. Говорит, у него окна кабинета тоже на эту же стену выходят, и что даже он свои познания в области «обсценной лексики» обогатил, – последнюю фразу Семёныч презрительно выделил интонацией, а скульптор со штукатуром гордо переглянулись.

– Семёныч, ну а если Маугли опять мне за шиворот шубы плеснёт, я должен ему сказать, что он всего лишь плохой и просто не прав? – задал резонный вопрос Лёха.

– Лёха, всего один раз было! Случайно! – возмутился я, – Что ты не успокоишься?!

– Значит так, меня не е... интересуется, как вы будете выкручиваться. Нам директор номер выделил в гостинице, помогает как может, палки в колёса не ставит – мы должны постараться не материться. Я вот прямо сейчас справляюсь. Тяжело, конечно. Услышу от кого, буду штрафовать. Пятьсот рублей штраф.

– Семёныч, вы с директором плохие. – Первым сориентировался и начал тренировку Саня.

– Вы подонки и гавнюки. – Поддержал его Женя.

– Да, кстати, а что насчёт говна? – задал вопрос Серёга и собрал на себе наши удивлённые взгляды.

– Какого говна? – Выразил общий вопрос Семёныч.

– Ну, если мат нельзя, а «говно» – не мат, то можно же говорить «обоссанный», «обосранный», «съешь говна, обоссанный кусок говна». Такие варианты легальны или тоже нельзя?

Штукатур и скульптор задумчиво переглянулись, потом также задумчиво заулыбались. Семёныч тоже задумался. Было видно, что совсем отказываться от привычных и годами отработанных рабочих формулировок ему самому очень непривычно. Но в итоге решил не идти ни на какие компромиссы.

– Нет. Никакого говна, мочи, спермы и даже соплей! Никакого поноса, анального секса, минета и всего того, к чему вы привыкли... За «обоссать» и «обосрать» тоже по пятьсот рублей! – бескомпромиссно уничтожил Семёныч все наши надежды на искреннее выражение эмоций во время рабочего процесса.

– О чём это вы, мальчишки? Егор, ты про что сейчас говорил? – мы не заметили, как к нам подошла жена Егора Семёныча, красивая женщина лет сорока.

– Анна Васильевна, Егор Семёнович ставит нам рабочие

задачи и озвучивает расценки за нарушение озвучиваемых им условий, – как можно более серьёзно ответил я. Кстати, даже не соврал. – Вы его давно знаете. Как думаете, стоит соглашаться?

Семёныч покраснел, а парни попытались сдерживаться, но ничего не получилось, и все заржали. Семёныч несмотря на красное лицо очень спокойным голосом выдал:

– Маугли, ты плохой. Совсем... Вообще, блин, плохой!

Вся бригада уже ржала так громко, что сомневаться в диагнозе «наркоманы» от местных пенсионерок не приходилось. Анна Васильевна улыбалась и выжидающе молчала. Ей в двух словах объяснили, что у нас тут за перемены. Она повеселилась, обозвала нас дураками и выложила на стол еду. Остальные этому очень обрадовались. Когда каждый ел своё, то наедался, но когда всё выкладывали на общий стол, то немного не хватало. Когда это впервые заметил Димон, мы все удивились, но потом настоящая причина в моём лице была локализована, но не улажена. Я продолжал с завидной периодичностью объедать коллег. Поэтому любая добавка шла на ура.

Все погрузились в процесс поглощения пищи, и тут неожиданно Женя-скульптор, видимо, продолжая ранее начатый разговор, сказал непонятное:

– Сань, да стопудово это опять какие-то разборки. Ну, не просто так полковник милиции повесился. Убрали его. Семёныч, что думаешь? У тебя в мэрии знакомые есть, может,

знаешь что-нибудь?

– Вы про что сейчас? Кто повесился? – Спросил Семёныч.

– Мент. Полковник. Верёвкин Михаил, вроде, зовут. Сегодня в новостях прочитал. На даче повесился. Вчера нашли, – просветил нас штукатур.

– Не знаю такого, и от тебя только что про это услышал. Может что угодно быть, – пожал плечами Семёныч, – могли убить, а мог сам. Я откуда знаю...

– Вы лучше подумайте, как теперь будете цензурно Димона с раствором поторапливать, а Маугли его неправоту объяснять, – переключила нас на более насущные вопросы Анна Васильевна.

– Это да. С Маугли сложно в рамках цензурных выражений общаться, а ещё сложнее цензурно его выходки комментировать, – согласился, переводя на меня стрелки Женья-скульптор. Вся бригада, не переставая жевать, дружно кивала.

– Евгений, я не то, что нецензурных, я вообще недобрых слов не заслуживаю! – запротестовал я. – Да что я такого сделал?!

– Тебе за последний месяц список предъявить или за год? Хотя бы почему тебя с раствора в том году убрали, помнишь? – я помнил, но решил не комментировать, скульптор же продолжил, – нам заказ-то был всего лишь беседку с колоннами на набережной подправить и покрасить, так ты из остатков раствора всего за три дня член в человеческий рост

слепил в десяти метрах от беседки, после чего молодожёны сначала возле него фотографировались и только потом в беседку на фотосессию шли. А скульптор, между прочим, у нас в бригаде я.

– Да, ничего такого страшного, – встал на мою защиту Семёныч, который, к слову, очень даже неплохо мне помог со скульптурной композицией, так как мы её по вечерам вдвоём ваяли. – Её же снесли потом.

– Это, да. Но два месяца она там простояла и собрала чуть ли не общественное движение в свою поддержку. Хэштег «защитимчлен» и «пустьстоит» до сих пор один из самых популярных в городском паблике. А авторство почему-то мне приписывали, – не успокаивался Женя.

– Слушай, извини, пожалуйста! Ты бы по-любому лучше и выразительнее сделал, я не виноват, что на тебя подумали! – оправдался я.

– Вообще-то, Маугли, ты последнюю неделю какой-то спокойный. Никто на тебя не жалуется, официальные органы претензий не предъявляют, петиции никто не пишет. Ты не заболел случайно? – Семёныч проницательно посмотрел на меня.

– Продумываю план захвата Мира. Не отвлекаюсь на мелочи.

– Ты с лесов не упади, захватчик, пока думы свои великие думаешь, – не совсем в шутку произнёс Семёныч.

Я лишь хмыкнул и кивнул, мол, ерунда.

За время еды мы ещё пообсуждали, какие слова можно, а какие нельзя теперь использовать во время рабочего процесса, пришли к выводу, что всё, что из фильмов, можно. Стали гуглить, что такое «каналья», «подонок», «кретин». В итоге, пришли к выводу, что всё надо пробовать. Работа покажет.

На перерыв у нас был выделен час, с едой мы управились за полчаса. Лёха и Серёга с выжиданием уставились на меня. Этих двух друзей-кикбоксеров к нам в бригаду привёл Семёныч. Отец одного из них был ему другом, очень попросил, а у нас как раз был некомплект, вот и оказались у нас в бригаде эти два товарища. Родители у обоих были обеспеченные, даже богатые. Сначала ожидали, что в поведении парней их «мажорность» как-то проявится, но нет. Нормальные парни-спортсмены. Без пафоса и без обиды на прозвище «мажоры». Разница в возрасте у меня с ними была небольшая, поэтому мы быстро нашли общий язык. А когда выяснилось, что я гимнаст, они сразу же атаковали меня просьбой научить их стоять на руках. В итоге мы старались устроить тренировку в каждый перерыв. Расписание составили так, чтобы примерно времени было поровну на всё: на тренировку стойки на руках, на обучение меня базовым ударам и на обычную подкачку. Сегодня была очередь тренировать меня.

– Пошли, – тяжело вздохнул я. – Что сегодня?

– Боковой, – недолго думая ответил Лёха и вытащил из пакета перчатки и лапы.

Времени было мало, поэтому мы успевали поработать

только над чем-то одним. Полноценной тренировкой это не назовёшь, но знаниями мы делились и кое-какой прогресс у всех троих был.

– Маугли, нормально, но всё равно медленно, – в который раз повторил Серёга. Лёха держал лапы, а Серёга комментировал и иногда показывал. Парни сами были не сказать, что профи, но другого спорта в жизни у них не было, а за семь лет занятий можно неплохо разобраться в базовых ударах. Но разобраться самому и научить другого – две большие разницы. Талантом тренера ни один из пацанов не обладал, поэтому все советы были больше в стиле «смотри, вот так надо». Тем не менее один момент быстро стал очевиден: моя скорость нанесения удара оставляет желать лучшего. Не то чтобы сильно медленно, но разница с парнями чувствовалась. Способ тренировки мышц гимнастов и бойцов разный. Не заточены мои нейромышечные связи на такую скорость. Да и не только в скорости дело – техника мне тоже не давалась. Но я не унывал, не придавая большого значения медленному прогрессу, который всё-таки был, и больше получал удовольствие от процесса тренировки.

– Всё, время! – объявил Лёха и опустил лапы.

Я снял перчатки, мы покидали всё в пакеты и пошли обратно к гостинице. Семёныч немного задержался, общаясь с женой, а Саня и Женя шли чуть позади нас, метрах в десяти.

– Маугли... – немного неуверенно начал Лёха. – Слушай, с тобой всё в порядке?

– Конечно! А что? – беззаботно ответил я, стараясь не показать, что внутренне напрягся.

– Ты реально зависаешь, не слышишь и не видишь ничего, бывает, целую минуту. Стоишь со стеклянными глазами. Краснеет лицо у тебя, – описал свои достаточно детальные наблюдения Серёга. – Это после той фигни началось. Ничего они с тобой там не сделали?

Раз парни подняли эту тему, значит уже перетирали между собой моё поведение. Надо как-то их успокоить. При этом обсуждать «ту фигню» совсем не хотелось. Но и отмалчиваться глупо.

– Да, ничего такого. Просто не высыпаюсь я часто. Такое бывало уже.

– Слушай, ну, мы неделю с тобой работали, ничего такого не наблюдали, потом вся эта фигня случилась, и теперь ты уже неделю чуть ли не каждый час зависаешь, как поломанный. Вот мы думаем, ничего там с тобой не сделали? – присоединился к разговору Лёха.

– Да нет. Ничего со мной не сделали. Всё нормально. Высплусь, и всё пройдёт, – немного резко ответил я. Настроение испортилось. Мы к этому моменту подошли к лесам, что дало повод переключить парней на другую тему. – Кто из вас у кого в рабстве сегодня?

– Я у скульптора, он у штукатура, – ответил за двоих Лёха. «Рабством» парни сами окрестили режим работы, когда один из них должен был помогать либо штукатуру, либо

скульптору. В этом режиме они должны были выполнять абсолютно все указания своего «хозяина».

– Ну, давайте, а я полез, – сказал я и, собственно, этим и занялся – полез вверх на леса.

– Реально Маугли! – услышал я восхищённый возглас Серёги. – Всё никак привыкнуть не могу, что вживую каждый день это вижу.

Серёгу не переставал восхищать способ, как я перемещаюсь по конструкции под названием «леса» в вертикальной плоскости. Я это проделывал со скоростью быстро идущего пешехода. То есть всего несколько секунд – и вот я уже на высоте пятого этажа, откуда спустился чуть больше часа назад.

Шутки за столом, тренировка и общение с парнями немного меня взбодрили, но то, что в моём поведении появились настолько неконтролируемые вещи, мне совершенно не нравилось. Ведь все эти моменты выпадения из реальности, это что-то реально ненормальное. Ну, да, у меня есть задача, которую так или иначе надо выполнить, нет никаких сомнений, что это надо сделать, но почему я не могу себя контролировать на работе? Что со мной происходит? У меня не было объяснений, поэтому я решил сделать как раз то, что сказал парням – выспаться. Ну, и надо уже определиться с планом.

Все эти размышления я проделывал, перетаскивая части лесов с одного этажа на другой. А где, собственно, Семёныч?

Уже должен подойти, вроде как...

Я подошёл к краю лесов, чтобы посмотреть вниз, и увидел неприятности.

Как выглядят неприятности?

По-разному. В данном случае они представляли из себя восьмерых не очень опрятных и не очень довольных жизнью мужчин от тридцати до сорока лет. Мужики окружили Семёныча и что-то ему с недовольным видом объясняли. Вернее, объяснял больше один, а остальные одобрительно поддакивали. Ситуация стала для меня более понятной, когда я разглядел среди прибывших Петьку, парня, которого Семёныч в самом начале сезона уволил за воровство. Денег ему Семёныч платить за неделю работы не стал, просто сказал больше не появляться. И вместо зарплаты разрешил оставить себе ворованные мешки с цементом. Расстались, как говорится, по-плохому. И вот, оказывается, как сложилось – Петька пришёл искать справедливости, причём с друзьями. Причём – я присмотрелся – с подвыпившими друзьями. Семёныч под давлением нагло жестикулирующего мужика немного смещался в сторону бетономешалки – не очень правильное решение, это место как раз в углу гостиничного двора, и, что там происходит, никому не видно.

Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Я в несколько прыжков спустился и обнаружил всю бригаду, кроме Димона, стоящую метрах в двадцати от этой компании.

Димон стоял, опираясь на бетономешалку, ближе всех к Семёнычу, и с мрачным интересом смотрел за набирающим обороты конфликтом. Мы медленно направились к спорившим. Я в двух словах объяснил Лёхе и Серёге, кто такой Петька, так как они пришли на работу после него. Пацаны быстро вникли в суть ситуации. Пока то, что происходило, было не очень опасно, но тот факт, что гости реально были пьяненькие и от этого задорные, напрягал.

Семёныч сохранял вид уверенного и спокойного человека, но я видел, что он нервничает, всё-таки ситуация нештатная, а он по сути своей очень мирный человек. Хороший руководитель, ушлый бизнесмен, гениальный строитель, но всё это ему сейчас мало помогало. Семёныч был добрым человеком, это многие чувствовали. Одни в этом видели только хорошее, другие слабость. И вот один из друзей нашего бывшего сотрудника Петьки был как раз таким другим. Примерно моего роста, но более плотного телосложения, небритый и злой. Мужик наступал на Семёныча, постоянно проникая сначала в его личное пространство, потом уже чуть ли не в интимное. Семёныч к такой близости был не готов, поэтому отступал, при этом пытался вести переговоры с наступающей стороной.

– Ты моего другу должен бабки, – очевидно, не в первый раз повторил своё требование Небритый.

– Я твоему другу ничего не должен, – спокойно отвечал Семёныч, делая небольшой шаг назад.

– Он у тебя неделю работал, гони бабки.

– Я ему ничего не должен. Уйдите со стройки.

– Мы никуда не уйдём, пока не отдашь, что должен, – переговоры активно заходили в тупик, причём именно такой вариант, похоже, как раз устраивал наших гостей. Семёныч, наконец, тоже это понял.

Также он понял, что, отступая, выглядит глупо и остановился. Это небритого не смутило, и он приблизился настолько, что его лицо оказалось на расстоянии всего нескольких сантиметров от Семёныча. Лёха неожиданно громко прошептал:

– Хреновая дистанция.

– Угу, – тут же подтвердил Серёга. Вроде ещё рано для профдеформации, но на мир парни, очевидно, смотрели исключительно через призму спарринга, хотя в данной ситуации, наверное, это уместно. Дистанция действительно так себе. Это даже я понимал. Отсутствие какой-либо защиты от первого удара.

– Где хоть Петька столько друзей-то нашёл, – прокомментировал Саня-штукатур.

– Так тридцать лет придурку, а он, когда к нам на работу пришёл, это вообще первая его работа была. Он же всю жизнь трётся непонятно с кем, – вкратце объяснил Женья-скульптор. – Так что как раз таких «друзей» у него полно.

– Мальчики, что здесь происходит?! – Анна Васильевна второй раз за день появилась незаметно.

Но если в первый раз она появилась очень удачно, то сейчас её присутствие вызвало лавинообразное ухудшение ситуации. И камешком, который эту лавину запустил, выступил самый невзрачный и самый поддатый мужичок из всей этой нетрезвой компании. Он состроил очень похабное лицо – а может оно у него всегда такое – и выдал:

– Какая крошка! Развлечёмся немножко? – и вся толпа гостей заржала. Ну, а чего бы и не посмеяться? Шутка для них, видимо, офигенная, даже с рифмой.

– Это его тёлка, – неожиданно выдал Петька, кивнув головой на Семёныча. На «тёлку» Семёныч очень сильно посмурнел.

– Так может, она за него и расплатится?! – выдал гениальное решение небритый. – Вас как зовут, прекрасная леди?

И взгляд, и интонация подразумевали расплату совсем не деньгами. Стало окончательно очевидно, что парни пришли за приключениями в первую очередь, а за деньгами во-вторую. Если их это вообще интересовало.

Странно это всё...

Анна Васильевна, видимо, тоже не привыкла попадать в такие ситуации, поэтому просто молчала и смотрела растерянно и вопросительно на Семёныча. Семёныч покраснел и уже не выглядел ни спокойным, ни добрым.

– Валите отсюда, ублюдки, – как мог вежливо попросил он. Ну да, «каналы» было бы как-то совсем не к месту. «Ублюдки» – норм. Семёныч сделал, так сказать, последнюю

попытку решить ситуацию миром.

Небриту, очевидно, очень не хватало этих слов, он просто разулыбался, будто случилось что-то очень хорошее. А я внезапно понял, что время, когда можно было оставаться зрителем, закончилось, надо срочно выходить на сцену. Мы к этому моменту подошли к гостям на расстояние примерно пяти метров.

Я резко рванул вперёд, но всё равно не успел. Не зря Лёха ворчал насчёт дистанции. Небриту без особого размаха взял и основательно так приложился кулаком к голове Семёныча. Семёныч успел среагировать и попытался уйти от удара, но «хреновая дистанция» была хреновой именно для Семёныча. Он успел только немного отклониться корпусом и опустить подбородок, поэтому помесь апперкота и бокового прилетела ему в скулу, а не в челюсть. Быстрого нокаута не состоялось, но тем не менее наш босс немного «поплыл». Штукатур и скульптор всё ещё не очень понимали, какова их роль в этом спектакле, но не отступали, а приближались, пусть и не очень быстро. Лёха и Серёга уже неслись со мной вперёд.

Моей целью был небриту, он как раз лениво уклонился от неловкой попытки удара Семёныча и уже делал шаг, одновременно поднимая руку для следующего удара. Слава богу, он не спешил, так как видел состояние Семёныча, видел, что тот ещё не пришёл в себя, и поэтому не бил серию, а выбирал, как лучше приложиться по нашему начальнику второй

раз так, чтобы решить всё красивым нокаутом с одного удара. Так себе стойка – только и успел отметить я, как с разбегу, не заморачиваясь, толкнул небритого вперёд. В лучших традициях регби или американского футбола. Ну, как я эти традиции понимаю. Небритый в последний момент заподозрил неладное и у даже пытался обернуться, но ничего предпринять уже не успел – улетел от моего толчка и упал на правый бок, немного проехавшись по асфальту лицом. Это, скорее, было для него болезненно и унижительно, чем привело к какому-то серьёзному урону, он тут же начал подниматься. По лицу текла кровь. Не успел небритый при падении руки подставить, и асфальт свой шанс не упустил, оцарапав нашему незваному гостю правую щеку.

Я отметил всё это, разворачиваясь к остальным. Показалось правильным держать в поле зрения всю толпу, пусть всего несколько секунд, но небритый не опасен, а вот остальные на ногах и могут навредить мне, такому ловкому и красивому. Решение оказалось правильным. Тут же пришлось переключиться на Петьку, который решил поиграть в каратиста или, может быть, в футболиста и попытался зарядить по мне ногой. Я ушёл от удара вправо, и тут пригодился мой неидеальный боковой. Пусть не идеально, но всё равно получилось удачно. Петя получил в челюсть и мешком свалился на асфальт. Что-то тут показалось неправильным, какая-то мысль мелькнула вспышкой и исчезла неосознанной, но времени разбираться, что это такое, не было.

Лёха и Серёга уже пинали врагов с огромным энтузиазмом, но не сказать, что очень результативно. Им серьёзно мешала разница в весе. Парни были классические легковесы, «мухачи». Поэтому их удары хоть и попадали, но пока достаточно тяжёлые мужики, получив несколько болезненных ударов, просто оттолкнули наших наиболее техничных бойцов. Один мужик в джинсовой рубашке, получивший болезненный, но не очень эффективный удар в нос от Серёги, просто побежал на того раскинув руки. Ну, если в том, чтобы бежать на противника смысл ещё может быть, то в том, чтобы при этом раскидывать руки в стороны, точно нет. Серёга чуть присел и практически выстрелил прямым ударом ногой в солнечное сплетение своего оппонента. Лёгкий вес лёгким весом, но техника иногда решает. Мужик со стоном сложился. Вот так, неплохое начало. Два ноль в нашу пользу. Всё эти мысли в голове двигались очень быстро, при этом не покидало чувство, что я знаю, куда смотреть и что делать.

Вот, кстати, прямо сейчас определённо настало время снова уделить внимание небритому.

Небритый уже встал и с очень злым видом бодро направился в мою сторону. Очевидно, хотел отомстить виновнику своего позорного падения. Подняв руки во вполне себе техничную стойку, он шёл на меня. При этом Семёныча игнорировал совершенно зря. Очень хороший удар получился у нашего начальника Егора Семёновича! Он стоял немного сбоку от небритого, поэтому тому прилетело в область уха.

Нормально так прилетело. Небритый сделал два шага назад и сел на задницу. Сел и тут же зарычал что-то на тему «убью-сука». Но было видно, что «потерялся» он основательно. А потом на голову небритого даже как-то ласково опустилась испачканная в растворе совковая лопата Димона, после чего шоу продолжилось без главного злодея. Со стоном, растирая по лицу раствор, тот упал на бок и всем своим видом демонстрировал, что больше не боец, издавая какие-то печально болезненные звуки.

Казалось бы, боевой задор наших оппонентов должен был сойти на нет после трёх быстрых побед с нашей стороны, но, оказалось, наоборот. Увидев упавшего небритого, мужики кинулись на нас с утроенной злобой. Самый здоровый, за сто килограммов весом, очень резво напал на наших скульптора и штукатура и принялся эффективно сокращать разницу в счёте. Саня упал без сознания после первого же прямого в голову, а Женя согнулся и упал на четвереньки после мощного удара кулаком в живот. Досмотреть, что там дальше происходит, у меня не получилось, так как пришлось уворачиваться от того засранца, который пошутил про Анну Васильевну. Потом я увернулся от кого-то ещё.

Всё смешалось. Я пытался кого-то бить, но так удачно, как по Петьке, ни по кому не попал. По мне, как ни странно, не попадал вообще никто. Странное чувство, что я знаю, что делать, меня не покидало. Я то делал шаг в сторону, то впред, то назад, совершенно не думая, но при этом зная, что

так надо. Как итог моих перемещений никто меня всерьёз не задел. А если точнее сказать, то меня вообще никто никак не задел. При этом нельзя сказать, что не пытались.

В какой-то момент я пришёл на помощь Серёге. Один из Петькиных друганов умудрился его схватить, прижав руки к туловищу, и пытался повалить на землю. Я подскочил сзади, схватил этого «борца» за шею, стал душить и пытаться валить назад. Мужик тут же отпустил Серёгу, вцепился в мою руку, чтобы сбросить захват. Серёга, оказавшись на свободе, не придумал ничего лучше – а лучше ничего и не придумаешь, – как врезать что есть дури с ноги мужику по яйцам. Мужик, получив по яйцам, взвыл. Нелёгкие муки выбора он переживал в этот не лучший момент своей жизни. Шея требовала использовать руки, чтобы освободиться от захвата, а отбитые яйца требовали нежности, заботы и покоя. И так он страшно заорал, даже завыл, что я его выпустил. Больше не боец мужик. Упал, свернулся калачиком и стонет. Серёга, оказывается, страшный тип...

Моё невесть откуда взявшееся понимание ситуации подсказало сделать шаг в сторону, я сделал. Мимо пролетел ещё один оппонент. Он, видимо, пытался сбить меня также, как я небритого. Только у меня получилось, а у него нет. Проскочив мимо меня, он стал разворачиваться, но тут его просто снесла мощная серия ударов в исполнении Семёныча. Три удара, последний из которых был уже практически не нужен. Да ладно?! Семёныч, что я о тебе не знаю? Даже мне, ди-

летанту в боевых искусствах, очевидно, что так бить могут только профессионалы.

А какой у нас счёт, кстати? Естественным образом возникла пауза. Стороны отступили друг от друга. Уж очень громко и пугающе орал мужик после удара Серёги. Итак, у нас на ногах Лёха, Серёга, я и Семёныч. Как вырубили Саню и Женю я видел, а вот как Димона – нет. А его вырубили. Он сидел у стены, зажимая кровоточащий нос, всем своим видом показывая, что этот рабочий день не задался.

Оппоненты радовали тем, что выглядели хуже. У них на ногах был только тот здоровый мужик, который обидел наших мирных скульптора и штукатура. Тяжёлый по весу и лёгкий в походке, он выглядел серьёзно. А вот тот факт, что все остальные его друзья лежали или сидели, демонстрируя отчётливое нежелание развивать конфликт, вызывал недоумение. Я и не заметил, как они пришли в такое приятное для глаз состояние. Стал припоминать, как мы пришли к таким результатам. Серёга вынес одного, потом вместе со мной другого, Лёха толком ни по кому не попал. Петьку уложил я. Небритого окончательно успокоил Семёныч с Димонном. Один на ногах. Получается, Семёныч умудрился уложить ещё троих! Респект и уважуха. Я посмотрел на Семёныча. Тот больше не был растерянным. Он спокойно смотрел на мужика напротив, который был тяжелее его килограмм на тридцать. Смотрел в глаза.

– Уходи. Бери с собой этих придурков и уходи, – Семё-

ныч стоял без особых повреждений, не считая пятна на скуле и порванного воротника футболки. По-прежнему с красным лицом, при этом что-то очень изменилось в нашем боссе, в его глазах. Взгляд был совсем не добрый и, видимо, не очень лёгкий. Тяжеловес вот, например, этот взгляд не выдержал и отвёл глаза. Настоящий бесконтакт. Простым словом и непростым взглядом Семёныч показал, кто тут босс.

Мужик вслед за глазами опустил руки, подошёл к небритому и помог подняться. Тот кое-как встал и, не глядя на нас, собрался уходить, но тут снова удивил Семёныч. Перегородив им дорогу, он встал напротив небритого и спросил:

– Какие-то вопросы у тебя и твоих друзей ко мне остались?

Тот поднял глаза на Семёныча, тут же словил бесконтактный удар взглядом, которым наш босс бескомпромиссно уничтожил все намёки на спесь и желание спорить. Прокашлявшись, он произнёс:

– Нет, не остались, – и также, не поднимая глаз, повернувшись к оставшимся, – пойдём, парни.

– Тогда извинись за доставленное неудобство и вали отсюда, чмо, – спокойно продолжил Семёныч.

Небритый под взглядом нашего босса думал совсем недолго.

– Прошу прощения, – глядя в землю, промямлил он.

– Проваливай, – Семёныч повернулся к Петьке. – Пётр, у тебя вопросы по зарплате остались?

– Нет, Егор Семёныч, – ожидаемо вежливо ответил Петя-ка, с кряхтением поднимаясь и отряхиваясь. – Извините за беспокойство.

– Хорошо, валите и больше здесь не появляйтесь, – спокойно подытожил сеанс переговоров Семёныч, напоследок обеда врагов своим «взором хищника».

Тут только я осознал, что всё это время фоном, сопровождавшим наше веселье, были крики Анны Васильевны. При этом она больше всех из присутствующих нарушала запрет на использование ненормативной лексики. Осознал я это только, когда она замолчала. Анна Васильевна подошла к Семёнычу и начала что-то сбивчиво ему говорить, босс тут же начал как-то смущённо улыбаться, робко оправдываться и вообще выглядел виноватым. Я не стал прислушиваться и отошёл к парням.

Босс, конечно, удивил. Кроме небритого, Семёныч очень быстро уделал ещё троих. Вот это он дал! Мысли немного путались. Ясность, которая была во время схватки, прошла будто её и не было, а адреналин остался.

Саня закурил, Женя присоединился, тем самым обнулив двухнедельную попытку бросить. Парни выглядели неплохо, хоть одного и пошатывало. Лёха с Серёгой вообще держались бодряком.

– Парни, вы видели, что Семёныч творил? – спросил я.

– Я видел. Надо будет узнать, чем он занимался. Он реально крут! – подтвердил Лёха.

– Я его десять лет знаю и даже не подозревал, что он, оказывается, тот ещё Тайсон, – прокомментировал Саня.

– Кстати, Маугли, а ты сам интересно двигаешься, – неожиданно присоединился к обсуждению Серёга.

– В смысле?

– Ну, как ты перемещаешься. Держишь дистанцию, отдаляешься, сближаешься – всё как надо, я бы даже сказал, идеально. Если бы я не видел, что ты бить не умеешь толком, я бы не поверил, что ты не занимался боксом или чем-то вроде этого.

– Да, я тоже обратил внимание. Чётко двигался, – подтвердил Лёха, – ты будто всю жизнь в толпе дрался. По тебе же никто даже не попал, да?

– Не знаю, если честно. Серьёзно точно не попали.

Похоже, парни по-настоящему вжились в роль моих тренеров, раз не прекращают отслеживать мои бойцовые навыки даже во время уличной драки. Я пожал плечами и улыбнулся, не видел смысла заморачиваться этим моментом. Но приятно. Я попытался вспомнить то чувство уверенности в движении, которое испытывал в бою, но ничего кроме очень быстрых кадров драки перед глазами не показалось. Будто и не было всего этого. И если бы не тот факт, что кто-то обратил на это внимание, я бы сам даже не вспомнил. Состояние, когда я точно знаю, как двигаться, и в середине схватки не чувствую ничего, кроме уверенности в каждом движении, прошло. «Снова стал обычным человеком» – мысль проско-

чила и исчезла. Но я хотя бы её уловил.

– Слушай, Маугли, а ты часто вообще по жизни дрался?
– Поинтересовался Серёга.

– Да нет, всего... – я завис, пытаюсь вспомнить.

Внезапно перед глазами появилось отчётливое воспоминание. Мне десять лет. Из них уже шесть я занимаюсь гимнастикой. Школа. Я хвастаюсь, как круто я могу сесть на шпагат, как круто я могу делать сальто, как круто я стою на руках, хожу на руках, прыгаю на руках... В общем, я громкий мальчишка, который обожает внимание и восхищение. И есть хулиганы – парни, не очень способные делать то, что вызывает восхищение, но почему-то обязательно требующие этого самого восхищения. Или уважения. Или хотя бы страха. Произошло неизбежное – я вызвал их зависть и раздражение. Меня подстерегли после школы. Что-то мне объяснять и предъявлять никто не стал. Пятеро мальчишек, чуть постарше меня, просто решили проучить выскочку.

Кулак летит мне в лицо, я уклоняюсь, летит справа, я уклоняюсь. Пытаются пнуть ногой, я уклоняюсь. «Хватай его!!!» Меня пытаются схватить за одежду, я аккуратно поворачиваю их запястья таким образом, что ни за что ухватиться у них не получается, и снова уклоняюсь. Меня бьют ногой сзади, я делаю шаг в сторону, и парень проваливается вперёд. Осознаю, что можно очень больно ткнуть его кулаком в бок, но почему-то отказываюсь это делать и продолжаю уворачиваться. Они начинают злиться. Стараются схва-

тить за одежду, повалить, пытаются скоординировать свои действия криками, но я всегда выскальзываю или уклоняюсь. Я хватаю одного и загораживаюсь его телом от другого, я знаю все их движения наперёд и использую эти движения против них. Они начинают понимать, что происходит что-то непонятное. Они смотрят мне в глаза, я улыбаюсь. Я вижу ещё не страх, но уже беспокойство и неуверенность. Атакуют снова. Молчаливое пыхтение, ещё несколько неудачных попыток достать меня так или иначе. Наконец один упал в результате несильного толчка, и вот уже я вижу страх. «Пойдём, парни! Смотри, больше нам не попадайся!» Мы все понимаем, что это всего лишь попытка сохранить лицо. Расходимся. На следующий день мама узнала об инциденте. «Ты дрался?» – «Нет, меня никто не ударил, я тоже никого не бил». Не соврал.

Избить меня пытались ещё раз пять. У них не получилось. Потом пытались подружиться. Не получилось у меня. Разошлись и больше не замечали друг друга.

Я тогда сам себе объяснял, что из-за гимнастики у меня выше скорость реакции, что я лучше натренирован. Но сейчас вдруг понял, что всё это на самом деле как-то странно. Пятеро пацанов на год-два старше могут избить ребёнка, даже если он гимнаст. А тут всё заканчивается исключительно падением одного из них на землю и моей невредимостью. Киношное айкидо, да и только. Но тогда я не задумывался об этом. Сейчас же вижу, что каждый раз, когда меня атако-

вали, что-то происходило. Как сегодня. Но я абсолютно всё забывал и никогда не думал об этом.

Вообще никогда. А сейчас вспомнил!

– Так сколько? – вытащил меня из воспоминаний Серёга.

– Ноль. Я дрался ноль раз до этого. Сегодня первый раз кого-то ударил всерьёз, – с удивлением ответил я.

– Да ладно?! – чуть ли не хором не поверили мне пацаны.

– Ну, вот так. Случая не представилось. Вы как сами-то? – съехал с темы я.

– Да так... У меня ухо опухнет, скорее всего, – ответил Лёха.

– Я нормально. Пару раз по корпусу попали. Фигня, – отчитался Серёга.

– Маугли, на пару слов, – подозвал меня Семёныч. Мы отошли. – Спасибо, что вмешался.

– Да не за что. Красивое же приключение получилось, да и без особого вреда. Добро победило зло. А Димон с лопатой был вообще эпичен.

– Ну, да... Приключение. Я уж отвык совсем от таких приключений. Давай тогда на сегодня выходной. Я с Аней пойду, а вы с парнями соберите всё и идите отдыхайте. Зализывайте раны. Вот вам десятка на мороженое, – Семёныч протянул мне две купюры.

– Семёныч, десять на шесть не делится! – Сразу сориентировался я. Семёныч уже был в хорошем настроении, поэтому спорить как обычно не стал.

– Идите. Я тебе остальное на карту кину. Сейчас в кармане больше ничего нет, – и тут же повернулся к остальным и проорал. – На сегодня выходной, соберите всё, и до завтра!

Семёныч с супругой ушёл, мы с Лёхой и Серёгой собрали инвентарь сами без помощи наших пострадавших коллег и отнесли в подсобку. Всё это заняло примерно полчаса. Я получил на карту ещё восемь тысяч, итого каждому по три. Объявил о неожиданной «боевой премии». Настроение у всех и так было неплохим, а стало ещё лучше. Пока собирали вещи, пока сходили в душ, как-то все успокоились и оказалось, что желания идти где-то сидеть вместе ни у кого нет. У всех нашлись какие-то дела, а я остался предоставлен самому себе до следующего утра.

Глава 2

Так получилось, что гостиничным номером, который на срок работ выделил нам директор гостиницы, пользовался в основном я. Часто оставался ночевать здесь, а не ехал домой. Очень удобно. Даже кучу вещей личных сюда перетащил из дома. Сегодня также решил заночевать в гостинице, и пока было время до ужина начать разрабатывать план убийства. Блин, звучит-то как кроваво и пафосно. План, сука, убийства. Но все остальные варианты, что приходили в голову, были не лучше: «план уничтожения», проект «убей мразь», миссия «смерть ублюдку». Убийство есть убийство. Буду называть вещи своими именами. Так с собой проще... Опять кольнула мысль о неправильности происходящего, но я не стал ничего ловить за хвост и заниматься самокопанием.

С Елисеем надо решать. Решил – делай. Так-то правильная формула... Но лучше всё-таки: решил – спланировал – сделал. Вот на втором шаге у меня сбой и происходит. Включалась лютая тупость, и я ничего толком не могу придумать. Но придётся себя заставить. Вновь проскочила какая-то мысль или даже чувство какой-то неправильности, но я решил, что всё дело в моей неуверенности, и выкинул лишние мысли из головы.

Уже заметил, что иногда я совершенно спокойно откладываю этого Елисея на «потом», а иногда ненависть к нему на-

столько захлёстывает, что я готов взять гвоздодёр, дожидаться Елисея у подъезда и просто на виду у всех проломить ему голову. И плевать, что будет потом. Настолько меня жгла ненависть. Очень напрягало, что эту ненависть я мог контролировать всё хуже и хуже. А я, блин, всегда считал себя добрым. Вон как, оказывается, за всю жизнь ни разу всерьёз не подрался. Но тут другое, тут Елисей. А он жить не должен. Ну, не должен, значит, не будет. Сейчас только придумаю, как это всё организовать.

Итак. Для начала попробую собрать всё, что мне известно, в кучу. У нас есть молодой урод Елисей. Сын прокурора. Единственный. Живёт с отцом, матери нет. Деньгами не сорит, жизнь отмороженного мажора, во всяком случае, публично не ведёт, хотя является им по своему социальному положению. Изредка зависает в ночном клубе, который находится тут же в центре города на одной улице с нашей гостиницей. Дом, где он живёт, я тоже знаю. Новостройка в жилом комплексе с хорошей инфраструктурой: магазин, правильно спланированный большой двор с площадками для спортсменов, детей и лентяев, подземная парковка и даже небольшой детский садик. За полтора месяца работы я видел его раза два всего, выходящим из клуба. Может, он и чаще там тусуется, я просто никогда не следил за ним.

Кстати, гениальная же мысль: проследить за этим уродом и собрать больше информации. Какой план без информации? Никакой или хреновый. Значит, нужна информация.

Сегодня у нас что? Сегодня у нас пятница. Вот и удачно. Пойду тусить в этот самый клуб, как он там называется... То ли «Бристоль», то ли «Копенгаген» ... Да, «Бристоль». В общем, пойду, вдруг получится что-то узнать.

Из тумана появился пункт ПЛАНА номер один: собрать информацию про Елисукуся.

До ужина оставалось время. Ничего лучше, чем поспать, я не придумал. Всё-таки, работа у нас очень физически энергозатратная, работаем сезон с начала апреля по начало ноября почти без выходных. Так что поспать, когда есть свободное время, – это всегда приоритет перед остальными видами времяпровождения. Засыпаю я практически мгновенно. Какой из этого вывод? Простой: совесть моя чиста. Будет ли также после того, как закончу с Елисеем, я не думал. Я заснул.

Проснулся по будильнику в семь вечера. Ещё раз сходил в душ.

Итак, клуб. Надо одеться. Я отыскал в шкафу синюю футболку-поло, нормально, почти не мятая – на вешалке висела. Штаны надел тёмно-серые. Деньги я получаю неплохие, поэтому заморочился и заказал их аж из Штатов. Но доволен. Можно на шпигат сесть – я проверил! – и ничего не рвётся не жмёт, а выглядят... А выглядят обычно. В общем, мои любимые штаны. Аккуратные лёгкие полуботинки дополнили мой образ человека, который, в общем-то, не заморачивается, как выглядит, но совсем не против удобства.

Что там дальше по плану?

Дальше важный шаг плана – посещение ресторана гостиницы. Там меня могут покормить бесплатно, а потом уже в клуб. Тратиться на штаны и их доставку из Америки – это нормально, а вот тратиться на безумно дорогую еду в клубе – тут у меня всё вызывало протест. Не клубный я человек.

– Мария Ивановна, мне, пожалуйста, первое, второе, салат и компот! – обратился я к симпатичной официантке.

– Маугли, ты надоел, хватит уже так меня называть! Я – Маша, – возмутилась Мария Ивановна. – Я твоя ровесница!

– Мария Ивановна, вы старше меня на месяц! Я не могу быть с вами настолько невежлив! И это бесконечно очаровательное сочетание имени и отчества просто не могут мной игнорироваться. Вы не думали о карьере учительницы?

Мария Ивановна ткнула меня в плечо кулаком и тут же воровато огляделась. Начальство не приветствовало такое поведение официанток. Но я и не совсем обычный клиент.

– Так что у нас на ужин?

– Маугли, это не столовая, это ре-сто-ран, тут есть меню. Оно не изменилось за последние недели никак. Смотри, выбирай.

– Тогда на усмотрение великолепной Натальи Петровны, – перевёл я стрелки на повара, с которой успел подружиться. – Пусть её доброе сердце подскажет, что подать на пропитание скромному сыну джунглей.

– Дааа, ты скромный, это факт, – с загадочным выражени-

ем лица прокомментировала Маша. — Ладно, передам. Компот, морс или воду? Компот вишнёвый.

— Три компота и можно ягод побольше. И потом кофе.

Я решил так: встречу Елисея — попробую проследить, не встречу — ну, будет у меня отдых в клубе. Не фига не лучший в мире отдых, но с другой стороны — разнообразие. И так, и так понятно, что делать. Мрачное состояние отпустило.

Наталья Петровна проявила себя просто великолепно. Огромное спасибо директору, что обеспечил мне бесплатное питание. Именно мне. Увидев одинокого «сына джунглей» вечером с пакетом, в котором угадывались хлеб и колбаса, он остановил меня, отвёл в ресторан, познакомил с Натальей Петровной и сказал, что если я ночую в гостинице, то ресторан для меня бесплатно. Я этой опцией беззастенчиво пользовался, наладив дружеские отношения с шеф-поваром. Первое, второе, салат и компот оказались просто невероятно вкусными. Закончив есть, посидел, попереваривал съеденное и вышел на улицу.

Восемь вечера, середина июня, ещё очень светло на улице. Для клуба, наверное, всё ещё рано. Я решил прогуляться. И клуб, и гостиница располагались на центральной пешеходной улице. Кафешки и всякие уличные увеселения в виде передвижных киосков с кофе и мороженым тут присутствовали в изобилии. Купив себе пломбир в вафельном стаканчике, я пошёл от гостиницы вниз по улице.

Вроде, задача меня ждёт шпионская сегодня, но вот тот

факт, что я привлекаю больше внимания, чем большинство среднестатистических пешеходов, шпионству никак не помогал. Одна знакомая мне однажды сказала: «Маугли, тебя нельзя не заметить.» И имела она в виду в основном мой внешний вид. Метр восемьдесят, густые чёрные волосы, сейчас собранные в хвост. Ну и телосложение... Обычное гимнастическое: кубики, бицепсы и всё такое. Только если обычные гимнасты парни лёгкие, то я основательно нарастил мышц. Восемьдесят пять килограммов для обычного человека вообще нормально, для гимнаста не очень реально. Особенно на элементах уровня мастера спорта. Я этого мастера кое-как выполнил, но я тогда основательно посуше и пониже был, а потом продолжил расти, набрал вес и продолжать спортивную карьеру уже нереально было. Но не карьере, так спорт мне продолжать никто не запрещал, вот я к своим почти двадцати трём годам неплохо так накачался.

Так что мне особо и усилий прикладывать не надо, чтобы косплеить Маугли из последних серий советского мультика. Кто первый раз моё второе имя слышит, сразу ржёт – уж очень точно оно подобрано. Вообще, меня тренер так прозвал, когда я был ещё мелкий и был похож на Маугли из первых серий мультфильма, но вот приклеилось. Мне нравится. Редкий случай, когда тебя называют героем одного из любимых мультиков. Я так гордился, что только так всем представлялся ещё с детства. Сейчас, когда я уже подрос и стал практически взрослым мужчиной, самостоятельно

неплохо зарабатывающим... Ничего не изменилось! Я обожаю и мультик, и своё второе имя.

Так вот... внешность. Яркая у меня внешность, а летом, когда одежды мало и мышцы мои очень даже заметны, то особенно. Лицо обычное, навверное. Маме нравится, это главное. Нос немного курносый, глаза голубые. Всякие усы-бородки я тщательно сбривал, даже не пытаюсь разобраться, буду я с ними красивее или нет. В общем, внешность заметная именно из-за мышц и причёски. Даже подходили какие-то типы, предлагали в кастинге поучаствовать, то ли на шоу, то ли для рекламы. Мы же в самом центре города работаем, чуть ли не на сцене. Много народу вокруг ходит, а тут такой мускулистый я вверх-вниз по лесам летаю. Заметили. Но что-то я не готов к такой смене карьеры. Стрёмно как-то...

В общем, погулял я по центру такой красивый и ни разу не незаметный, пока не стало смеркаться. Надо в клуб. Ох...

В клубе я всегда не очень понимал, чего там надо делать. Танцевать я не способен. Я даже случайно своими движениями в ритм не попадаю. Мне грустно, другим смешно. Поэтому танцы для меня полностью закрытая область жизни. Пить алкоголь мне тоже как-то не весело. А после «той фигни», которую мне припоминали Лёха с Серёгой, так табу навеки. Что-то со мной не так под алкоголем.

Настроение после припоминания инцидента недельной давности быстро испортилось. С плохим настроением и со-

ответствующей ему угрюмой рожей я вошёл в клуб. Зал, танцпол, столики, музыка, громко, ярко и темно. Людей было немало. Я пошёл к стойке, бармен с кем-то разговаривал.

Опа! Бармен общался с Андрюхой Газецким. И это основательно облегчало мне жизнь. В принципе, шансы встретить Андрюху в «Бристоле» были велики. Он по жизни любитель потусоваться. Если того же Елисея я видел всего несколько раз возле клуба, то Андрюху намного чаще. Газецкого я знал с детского сада. Друзьями мы не были, но сидение на соседних горшках, организация массового метания каши, обливание девочек кефиром, неоднократные и даже частично успешные попытки полить цветы на подоконнике собственной мочой, – такие приключения отучили нашу воспитательницу оставлять нас без присмотра даже на пять минут. Потом опять же взаимные обвинительные оправдания перед воспитательницей «это он начал» – в общем, мы вместе прошли многое, пусть это и было в возрасте от трёх до шести лет. Этот опыт навсегда делал нас если не друзьями, то приятелями.

Андрюха чаще всего был там, где люди пытались отдохнуть и веселиться, хотя мне кажется, что если люди постоянно стремятся куда-то, считая, что веселье оно «где-то», то внутри них самих веселья-то и не много. Так и Андрюха... подрастерял мой приятель тягу к приключениям и авантюрам, заменив её тягой к тусовкам. Улыбка его, правда, оставалась стабильной, хотя в её искренность уже не очень верилось, а

выслушивание от него по большей части сплетен вызывало глухое раздражение. Я давно уже не стремился с ним пересекаться. Кто сплетничает тебе о ком-то, тот – сто процентов – сплетничает другим о тебе. Но сейчас Газецкий был очень кстати. С ним рядом можно делать вид, что тусишь, и при этом привлекать в разы меньше внимания, чем если бы я был один.

– Андрюха, привет! – приблизился я.

– О! Маугли, здорово! – вполне искренне обрадовался Андрюха и тут же представил меня бармену, – Армен, это Маугли, мой друг детства, спортсмен! Маугли, это Армен-бармен.

Вежливая улыбка Армена, парня постарше нас с Андрюхой на несколько лет, причём совершенно славянской внешности, стала шире и искренней, когда он услышал моё второе имя.

– Чего налить, Маугли?

– Какого-нибудь сока, но, чтобы все думали, что это коктейль. Вишню там или лимон как украшение можно повесить. стакан красивый, все дела. Заплачу тоже как за коктейль.

Армен не особо удивился такому заказу и сделал всё, как я просил, после чего переключился на подошедшую к стойке девушку. Я же повернулся к Андрюхе:

– Ну, что, как жизнь, светский лев?

– Да так... Выживаю помаленьку. Начальство – вампиры, кровь сосут из бедного офисного работника.

– Начальство, значит, сосёт... Канальи... – практически на автомате ответил я Газецкому, манеры строителя и запрет на мат наложили на мой ответ свой отпечаток.

Я же ненадолго задумался: реально ли его начальство твари нечеловеческой природы или человек он такой. Я за своё начальство сегодня вписался в мордобой без раздумий. Считай я, что Семёныч у меня кровь сосёт, я бы менее активно себя проявлял. Хотя, наверное, всё равно бы влез, а Андрюха при любых раскладах бы не влез. Ну, да ладно...

– Маугли, а ты чего не работаешь? Для тебя же ещё рабочее время сейчас?

Тут Газецкий был прав. Мы часто работали до десяти вечера или даже до полуночи. Такой вот режим. Причём если штукатур и скульптор часто уходили пораньше, то я задерживался позже всех. Секрет неплохой зарплаты: если вы не руководитель и не крутой специалист-профессионал, то просто работайте как можно больше, и будет вам финансовое счастье, ну или финансовое спокойствие.

– Да сегодня всё сделали быстро. Босс ушёл пораньше и нас отпустил. Я вот решил сменить обстановку, всё время под солнцем на улице. Надоело. Тут хоть внутри во мраке побуду, – не стал я посвящать Андрюху в свои приключения. – А ты давно здесь? Один? С кем-то?

– Я пока один, друзья с подругами чуть попозже подойдут.

– Можно к вам присоединиться? – не стал вилять я. – Я тут никого не знаю. На самом деле, рад, что тебя встретил.

Газецкий напрягся.

– Слушай, такое дело, будет два моих друга и три подружки, и мы как бы не прочь будем с ними потом продолжить знакомство, а ты такой красивый можешь нам на старте всё испортить. Не удивлюсь, если ты со всеми тремя подружками и уедешь в итоге, – честно поделился своими лестными для меня опасениями Андрюха.

Абсолютно безосновательные подозрения, кстати. Никогда я не уезжал с тремя подружками из клуба. Я даже с двумя не уезжал. Да ладно... Я даже с одной не уезжал из клуба ни разу. Вот на сборах и соревнованиях... Но там я тоже никуда не уезжал. Там я нарушал рекомендованное расписание в ночное время. В общем, гонит Андрюха.

– Андрюха, никаких ваших подруг мне не надо. Я просто решил обстановку сменить. Хоть посижу на людей посмотрю. Нафиг мне кому-то планы портить. Просто посидим, я вам точно мешать не буду. Скажи, что у меня есть девушка, что она скоро подойдёт. А я сделаю вид, что по телефону говорю, и она такая мне сообщает, что у неё братишка с температурой, а я такой «ладно, любимая, сиди с братишкой»!

– А! Вот и они! Ладно, пошли познакомлю. Моя вот та, в джинсах, – не дай бог, Маугли! – напоследок предостерёг меня Газецкий. Мой наспех состряпанный сценарий у него энтузиазма не вызывал.

– Неужто будущая мадам Газецкая?

– Если всё получится, то будет идеально, – неожиданно

серьёзно ответил Андрюха, не сводя глаз с обозначенной девушки, которая в компании двух парней и двух весьма симпатичных подруг старалась рассмотреть людей в зале. Наконец, нас заметили, и мы двинулись навстречу друг другу.

Девушки встретили меня заинтересованными взглядами, парни поздоровались спокойно. Оказалось, вся компания – это коллеги Андрюхи с работы. Мы устроились за столиком в наименее освещённой части зала, все тут же заказали выпивку. Моя шпионская тусовка началась...

Мы уже около часа сидели на диванчиках вокруг стола и общались. С нашего места был виден почти весь зал.

Перед этим я вполне удачно отыграл весь сценарий, заменив сходу братишку на дедушку Гаврилу Ибрагимовича. Все поверили, что у меня есть девушка, поэтому никому я не конкурент и не кандидат. Парни успокоились и расслабились. Газецкий ещё сволочь меня спросил, всё ли у нас серьёзно, пришлось сказать, что, конечно, всё серьёзно. Мол, даже с дедом Гаврилой уже знаком, а тот служил в ГРУ, и поэтом шансов у меня отвертеться от свадьбы нет. Да и желания тоже, люблю безумно и всё такое.

Сам Андрюха, как выяснилось, несмотря на молодые годы, уже показал себя на работе хорошо, и его подняли до руководителя отдела продаж. Собственно, это повышение компания и отмечала. Кандидатку в жёны звали Наташа. Торговала их компания, кстати, строительными материалами. Когда Наташа сказала, что она «просто продавец» и подчинён-

ная Андрея, парни удивлённо на неё посмотрели, а одна подруга не смогла сдержать смешок. Я не стал на это обращать внимание, ну, врёт девушка и врёт. Её дело.

Елисея не было. Я под видом пообщаться по телефону со своей девушкой отходил от нашей компании и осматривал зал. Его не было. Ну, ещё не очень поздно, не придёт – просто посижу, пообщаюсь в неплохой, в общем-то, компании. Парни шутили, девчонки хихикали, я то шутил, то хихикал. Девушки то и дело посматривали на меня с интересом. Но на простой интерес у меня иммунитета хватает. Все пили алкоголь с нормальными градусами, я же так и продолжил заказывать цветные безалкогольные напитки. Ничего особо интересного не происходило. Мне становилось тем скучнее, чем выше поднимался процент алкоголя в крови остальной компании, а он постепенно поднимался. Качество шуток упало, но на громкость смеха это не повлияло.

Я отошёл в туалет. Газецкий двинулся со мной.

– Слушай, а чего все так прореагировали, когда Наташа сказала, что она твоя подчинённая? – решил поинтересоваться я.

– Так она дочь одного из совладельцев компании. Она так-то да, моя подчинённая, но очень скоро станет моим боссом. Но всё может быть и по более красивому сценарию, – дал мне расклады Андрюха.

– Понятно всё с тобой, – беззлобно ответил я. Ну, Андрюха свои приоритеты по жизни расставил и к цели идёт. Мне

были неприятны и цели, и приоритеты. Не чувствовал я с его стороны искренней любви к этой девушке. Не красиво. Я задумался, а считал бы я его своим приятелем, если бы не детский садик и множество совместных пацанских движух, когда мы росли в соседних дворах? Наверное, нет. Но поскольку совместные приключения у нас были, и по серьёзному Андрюха меня никак не подставлял, да и вообще, когда надо, вёл себя правильно как пацан, я был склонен к нему относиться по-дружески.

– Ну, а как всё идёт? Шансы есть у тебя?

– Да хрен знает... – протянул Газецкий, – не буду клювом щелкать, шансы вырастут. Так, вроде, по жёсткому не обламывает. Даже наоборот. Посмотрим.

– Ну, давай, Парис, кради свою Елену Прекрасную!

– Это ещё откуда?

– Целый город расхерачили после того, как эти двое замутили.

– Что ты мне печаль какую-то втираешь?! Никакого разгрома нам не надо. Пойдём уже, мы же вроде как отлить пошли, а это дело недолгое.

Когда мы вернулись, то застали всю компанию скучающей. Время было немного за полночь, вставать мне на работу было рано, шансы, что сегодня увижу Елисея, были невелики. Я уже собирался попрощаться. Но тут неожиданно слово взяла порядком захмелевшая Наташа:

– Мальчики и девочки, а не поехать ли нам отсюда? Здесь

тухло. Тут неподалёку одно место открылось, тоже клуб, но «для своих».

– Для своих – это для кого? – поинтересовался Газецкий.

– Для своих – это для кого надо, – как могла объяснила Наталья. То ли уже реально сильно накидалась, то ли не хочет объяснять. Склонность создавать таинственность на ровном месте у неё просматривалась вполне отчётливо.

Я быстро оценил новую информацию. Очевидно, что сегодня здесь Елисей вряд ли появится, а вот в месте «для своих» всё может быть. Тем временем у остальных парочек дела шли намного лучше, чем у Газецкого. Одна девушка милостиво не замечала чужой руки на своей талии, другая положила голову на чужое – будем надеяться, надёжное – плечо. Что-то менять им не хотелось, а вот избавиться от лишних людей – этот вариант их устраивал намного больше. Так что парочки в один голос сказали, что никуда не идут. Для Газецкого вариант поехать вдвоём с Наташей был наиболее интересный. Самое время мне было бы распрощаться, но я-то здесь не просто так. Так что я и удивил, и немного разозлил своего друга детства:

– Конечно, надо ехать! Мне очень интересно посмотреть на «своих» и на «кого надо»! – пока Андрюха не нашёл способа меня спровадить, быстро выдал я. – Я сам как минимум что надо, так что посмотрю, кто там со мной одной крови.

Наташа только кивнула и двинулась на выход. Пока ждали такси, Газецкий старался незаметно мне намекнуть, чтобы я

свалил, но я не заметил. Незаметно же намекает.

Мы вышли из такси возле остановки рядом с территорией заброшенного завода. Прошли через ветхое здание проходной во внутренний двор и перед нами предстало совсем не заброшенное место. Мерсы и баварцы доминировали на стоянке, разбавленные лексусами и порше, но однозначно доминировал красный Chevrolet Corvette. Не факт, что дороже того же Гелика, но нарядней однозначно. Мы прошли вдоль всей стоянки ко входу со светящейся надписью «Снежная Королева».

Наташа уверенно подошла к охраннику и весело поздоровалась:

– Добрый день, Николай! Мы на пару коктейлей, это мои друзья! Ой, а что это у вас со щекой? – обратила она внимание на крупную ссадину на щеке охранника.

Я тоже обратил внимание и на охранника, и на здоровую свежую ссадину. Когда тебя с разбегу толкают в спину, ты летишь и не успеваешь поставить руки, то вполне возможен такой вариант развития событий, что мордой коснёшься асфальта, и могут остаться царапины. Так и получилось. Николай, он же небритый, узнал меня через секунду после того, как его узнал я.

– Ничего страшного, Наталья Тимофеевна, на тренировке неудачно упал, – глядя на меня ответил Николай. – Как зовут молодых людей?

Мне казалось, такой вопрос выходил за рамки полномо-

чий охранника на входе, но Наташа не стала заморачиваться и обращать внимание на неправильное поведение охранника и тут же ответила, ткнув в каждого из нас пальчиком:

– Андрей, Маугли.

– Очень приятно! Андрей, добро пожаловать! – он с улыбкой протянул руку Газецкому, тот спокойно поздоровался.

– Добро пожаловать, Маугли! – протянутая рука в мою сторону. Улыбается, но по глазам видно, что что-то задумал. Ну, задумал и задумал. Что мы рук не пожимали? Нехорошо заставлять человека ждать с протянутой рукой.

Как я и предположил, Николай попытался сильно сдавить мою кисть. Моего примерно роста, потяжелее, при этом дополнительная тяжесть приходилась на мышцы, а не на жир, он вполне обоснованно думал, что сильный в пожимании рук. Ну, может в пожимании рук он и сильный, а я сильный в пожимании колец, брусьев и особенно перекладины, те же перелёты на ней с моим весом – то ещё испытание для суставов в последнее время. Да и для перекладины тоже испытание. В общем, я в полной мере наслаждался, наблюдая за эмоциями, которые появляются на лице у человека, который задумал гадость, но сам в неё попал, ему при этом физически, мягко говоря, некомфортно, а ещё нельзя и вида подавать. Несколько секунд всего, но какое удовлетворение. Наташа и Газецкий всё-таки обратили внимание на паузу.

– Вы что делаете, мальчики? – откуда у женщин разного возраста настолько одинаковое слово? Интонации тоже один

в один, как у супруги Семёныча.

– Да рады познакомиться просто, – я отпустил руку Николая. Очень надеюсь, что фраза получилась с брутальной интонацией, но я не специалист.

– Хорошего вечера! – как ни в чём ни бывало пожелал нам Николай, быстро взяв себя в руки.

Я открыл перед Наташей дверь, и мы вошли в «Снежную королеву». Быстро окинув взглядом приличных размеров зал, я понял, что просто отдохнуть уже не получится.

Глава 3

Обстановка клуба была выдержана в чёрно-белых тонах. Столики чёрные, диванчики и стулья белые. И наоборот. Чёрное и белое причудливо перетекали друг в друга. Взболтано, но не перемешано. Пол с хаотичными плавными переходами чёрно-белого. Дорогой пол. Такие плавные переходы – это вам не ламинат. Да вообще, место дорогое. И людное. На танцполе тесно, музыка стандартно не тихая, на галерее, что шла вторым этажом опоясывая зал, тоже, вроде как, почти все столики заняты.

И буквально в пяти метрах от нас стоял Елисей. Я к этому готовился, но, сука, оказался не готов.

– Елик, и ты здесь! – оказывается, они с Наташей знакомы.

– Привет, Наташ, – с улыбкой ответил белобрысый худой парень высокого роста, которого я могу убить прямо сейчас.

Я почувствовал себя очень и очень странно. Елисей посмотрел на меня, а я тут же наклонил голову, уставившись в пол. Почему-то я был абсолютно уверен, что, стоит мне посмотреть ему в глаза, он всё поймёт.

Я могу убить его прямо сейчас! Прямо сейчас я могу его убить. Убить. Сейчас! Эта мысль казалась настолько правильной и важной, что заполнила весь разум. Уверен, если бы я продолжал смотреть на Елисея, то не удержался бы, чтобы побежать к нему с совсем не дружественными намерени-

ями. Этого делать нельзя. Не сейчас. Я успокаивал себя, но было тяжело.

Наташа и Газецкий уже подошли к Елисею и поздоровались. Я всё также стоял на расстоянии пяти метров и не мог решить, подойти или выскочить из клуба. Кое-как я взял себя в руки и с грацией сломанного робота всё-таки подошёл. Тело реально слушалось меня очень плохо.

– Привет, я Леонид, – голос был как не мой, но никто, вроде, внимания не обратил, да и было достаточно громко.

– Елисей, – сказал Елисукасей и протянул руку. Меня начало потряхивать сильнее. Я вдруг невероятно отчётливо осознал, что вот он стоит рядом, худой, тонкая шея, и я сейчас без всяких особых приёмов могу эту шею сломать. Яркая и простая картинка. Пять секунд. Даже быстрее. Да я ему вообще голову оторву, пока кто-то успеет прийти на помощь.

Рука Елисея повисла в воздухе.

Ненадолго.

Я пожал его руку. Надеюсь, выглядело, будто ничего такого не происходит. Жму не сильно и не слабо. На сбои в моём поведении обратили внимание сразу Газецкий и Наташа. Оба увидели, что что-то не так.

– Пока ехали, что-то нехорошо стало. Где здесь туалет? – обратился я к Наташе, стараясь не смотреть на Елисея.

– Там! – указала в угол зала Наташа, потом спросила с заботой глядя мне в глаза, – Точно всё хорошо?

Эта неожиданно искренняя эмоция помогла переключо-

читься и немного успокоиться. Я взял себя в руки и буркнув:
– Всё нормально, просто укачало в машине, подташнивает, – быстрым шагом направился в туалет.

В туалете два парня курили и общались, по их виду было понятно, что они не спешат выходить в зал. Меня трясло. Надо было успокоиться. Хотел умыться, но решил не обращать на себя внимание, зашёл в пустую кабинку. Сел на унитаз.

Мысли метались. Я могу закончить всё здесь и сейчас. Вся глупость такого «плана» компенсировалась его доступностью и простотой. Соблазн избавиться от навязчивого состояния был настолько велик, что я позволил себе несколько минут просмотреть в уме разные варианты того, как я подхожу и сворачиваю Елисею шею, как я разбиваю бутылку и втыкаю «розочку» ему в... тоже шею. Потом я так же в уме просмотрел, как меня скручивают, представил лицо мамы, когда она узнает такие новости.

И немного успокоился.

Немного мне было мало. Представил лица ребят, друзей, родственников, тренера... Я не хотел, чтобы они думали обо мне плохо. Я ничего плохого делать не собирался... Опять резанула сознание странная мысль, что я что-то упускаю... Обо мне будут думать плохо, а я не делаю плохо, так как убить Елисея – это не плохо... Почему же они будут думать плохо... Мысли замедлились, будто я сегодня не газировку с соками пил, а бухал, обгоняя всю компанию.

Заболела голова. Но при этом кровожадность немного

уменьшилась. Я постарался взять мысли под контроль и сосредоточился на плане: следить за Елисеем. Я здесь, чтобы следить. Я его убью, но не сейчас. Убью! Но позже. Главное, что убью! Но сейчас главное, что надо только следить. Я уговаривал сам себя. Кстати, а как следить-то, если я с ним в одной компании буду? Получается, только сидеть рядом и слушать. Главное, стараться на него не смотреть. Я успокоился. Ну, почти. Вышел из кабинки и долго умывался холодной водой, пока не успокоился ещё раз.

Всё. Я готов. Надо идти обратно в зал.

Компания из четырёх парней, включая Газецкого и Елисея, и пяти девчонок располагалась вокруг столика на галерее, сверху был виден танцпол. Я поднялся и направился к столику, одновременно присматривая себе место подальше от Елисея.

– Ты чего такой бледный? – вполне искренне поинтересовался Андрюха.

– Да что-то подташнивало. Сейчас нормально уже, – как мог спокойно ответил я.

Остальные на нас внимания особо не обращали. Елисей сидел рядом с двумя девушками, но было непохоже, что у него с кем-то из них отношения. Просто так сели. Вообще, все выглядели немного странно. Как-то неестественно, но в чём именно эта неестественность, я не понимал.

Я сел напротив Елисея. Шпион, блин. Но, с другой стороны, всё удачно. Никаких подозрений не вызываю, вроде. Ну,

главное, не смотреть на него. Если не смотреть, то ненависть и желание убить не полыхают, а просто тлеют.

– А давно это клуб открылся? Я первый раз узнал о нём только сегодня, – спросил Газецкий.

Мне, кстати, тоже интересно. Наташа это место назвала «для своих», а по факту просто ещё один клуб. Ну, может, более выпендрёжный.

– Около месяца работает, – ответила девушка, которая сидела справа от Елисея.

– Наталья Тимофеевна, ты говорила, что он для своих, для кого «для своих», – поинтересовался я, не изменяя, как обычно, своему правилу именовать особ женского пола по имени отчеству.

– Здесь просто очень хороший фэйс-контроль. И возможностей отдохнуть больше, чем в любом другом клубе, – таинственно ответила Наташа, не особо напрягаясь на имя-отчество. Видимо, в обычной жизни Наталья Тимофеевна она чаще, чем Наташа.

– А что можно тут, чего нельзя в другом месте? – продолжал свои вопросы я, хотя было видно, что Наташа просто на ровном месте опять наводит тайну и важность. Мне на самом деле совсем неинтересен ответ на свой вопрос, но лучше я буду говорить с Наташей, чем с Елисеем.

Неожиданно мой вопрос вызвал громкий смех у всей компании. Не смеялись только Елисей и Андрюха. Первый понимающе улыбался, а второй также ничего не понимал. Ка-

кие-то они неадекватные.

Точно! Неадекватные! Снежная королева. Снег. Наркотики. Я пригляделся к девчонкам, которые сидели рядом с Елисеем. Да они же под наркотой. Не в хлам, но приём имел место. Сразу всё стало более-менее понятно. Вся эта склонность на ровном месте создавать таинственность и важность. Это же обычный наркоманский образец поведения. Наташа-то употребляет! Не то, чтобы я был специалистом по наркоманам, но заметил, что наркотики часто усиливают в человеке какую-то одну черту, и он становится неадекватным. Одна из общих чёрт для многих наркоманов – это излишний драматизм. Таинственность, недомолвки, преувеличенная важность событий. Одно из проявлений. Бывает наоборот – излишняя прямота, цинизм, равнодушие. Причём человек становится склонен к этому варианту поведения даже если он недавно не принимал. Впаивают наркотики в человека какое-то дерьмо. Всё просто – передо мной сидели наркоманы. Нет никакой тут привилегированности. Тут просто толкают дурь.

– Ладно, не отвечайте! – шутливо поднял я руки, – Потом догадаюсь сам.

– Леонид, а ты чем занимаешься? – заинтересовалась мной худенькая девушка в очках и коротком платице.

– Я строитель. Работаю на лесах. Сейчас реставрируем гостиницу... – только начал рассказывать о своём совсем не мажорном образе жизни я, как был резко перебит.

– Подождите! Так это он!!! – неожиданно заорал самого ботанического вида парень в очках. – Я его знаю, это Маугли!!! Ты же Маугли? Да?

– Да, так меня зовут намного чаще, – пришлось согласиться мне.

Чёртовы наркоманы. У меня появились серьёзные опасения, что сейчас мне будет немного стыдно.

– Да, это Маугли. Большинство людей даже имени его настоящего не знают. А что? – подтвердил Газецкий.

– Вы умрёте сейчас! Да он такое умеет! Я покажу! – ботаник, сука, разбушевался.

Я понял, что мне не спастись. Всё идёт совсем не туда.

– Да ничего такого я не умею... – я попытался убрать внимание со своей персоны, но после таких громких криков ботаника шансов переключить внимание на что-то ещё у меня не было. Никто не обратил внимание на мои робкие «да ничего такого». Ботаник уже открывал видео на своём телефоне...

Мне не надо было смотреть, я прекрасно знал, что за ролик покажет этот чёртов очкарик. Конечно, шедеврально получилось... Сейчас придётся снова всё рассказывать. И отвечать на вопросы...

Началось всё безобидно.

Бабуля презентовала мне льняные дедовы семейные трусы. Белые с розочками. Сказала, что, мол, дед их ни разу не носил. Это были классические здоровые семейники. Ну,

я их и одел на работу. Под просторные джинсы оказалось удобно. Пацаны в раздевалке долго ржали над ними, когда увидели. Ну, вот, прям, ретро такое, что за километр видно. В тот день мы ставили леса, а не работали с шубой, поэтому я не одевал халат, а оделся полегче. Закупались «спецодеждой» мы обычно в сэкондхэнде. Если рабочая одежда быстро пачкается и становится негодной чуть ли не за день-два, то надо было искать самые дешёвые варианты. Секонд-хэнд – как раз неплохое решение.

В тот день я был одет в пиджак с оторванными по локоть рукавами, синюю бандану (на самом деле это был оторванный от простыни кусок ткани), джинсы с порванными коленками, кирзовые сапоги с портянками из той же простыни, что и бандана, и поверх банданы классическая строительная каска. После обеда я раньше всех залез на леса и просто стоял на высоте третьего этажа и ждал, когда все придут, чтобы продолжить работать. Настроение было весёлое. Подул ветер и сдул несколько песчинок мне за шиворот, зачесалась спина. Я стал тереться спиной о стойку лесов.

Вдруг снизу услышал:

– Вау, какой мужчина!

Три симпатичных девушки стояли внизу и улыбались, глядя как я спиной трусь о стойку. Со стороны смотрелось, как движение из стриптиза у шеста. Ну, я шутку поддержал и также потираясь о стойку снял пиджак, то есть если до этого был только намёк на стриптиз, то тут уже, собственно, стрип-

тиз и начался. Одна из девушек, оказывается, уже достала телефон и снимала. Остальные поддержали меня зазорными криками. В соседнем кафе играла живая музыка, так что музыкальное сопровождение тоже было. Под пиджаком у меня есть всё, что нужно стриптизёру: пресс, грудь, бицепсы, трицепсы, дельты, в общем, сплошные мышцы и очень мало жира.

Девчонки уже веселились от души и орали:

– Давай, давай!!! Ещё!!!

Я сделал «флажок». Кто не знает, это когда прямыми руками держишься за вертикальную стойку так, что тело параллельно земле. Перебирая ногами так, будто иду по воздуху, я сделал оборот вокруг стойки. Потом снова встав рядом со стойкой, снял и отбросил каску, потом снял и отбросил бандану, потом поднял ногу вертикально в шпагат и снял сапог (громкие «вау» и «давай, красавчик!»), после чего держа ногу в шпагате аккуратно размотал небесного цвета портянку. Опустил ногу, поднял другую ногу в шпагат и также снял сапог и портянку. Движением, которым девушки-стриптизёрши отправляют в полёт лифчик, я метнул зрителям портянку. Девчонки веселились, я тоже. Остались только джинсы. Повиснув на перекладине лесов на одной руке, я под музыку другой растянул штаны, потом повис на двух руках и делая разные виды подтягиваний снял с себя джинсы стряхивая их и помогая только ногами. В общем, гибкость, сила и гимнастика рулят. Хотя вряд ли тренер и хореограф меня

именно к этому готовили.

В итоге снял джинсы и остался в белых льняных труселях с розочками. Трусы были просто огонь. Произвели впечатление. Внизу у публики была истерика. Я отвёл взгляд с веселящихся девушек и увидел, что публики собралось уже человек тридцать и большая часть снимала это всё на видео. Я поклонился, подобрал одежду и залез в окно одного из номеров гостиницы, так как почувствовал, что появившиеся фанаты меня просто так не оставят. Лёха с Серёгой, подошедшие к середине шоу, меня всячески поддерживали криками: «Давай, Маугли!!!» «Жги!!!». Так получилось, что ещё и имя моё засветилось.

В общем, на следующий день проснулся звездой. Пять тысяч просмотров в обед превратились в пятьдесят к вечеру. Когда интересовался последний раз, было семьсот тысяч просмотров. И видео всё ещё популярно.

Этот весёлый ролик сейчас смотрели все сидящие за столом. Я с печальным лицом ждал конца. За Елисеем я приловчился следить краем глаза. Смотреть на него прямо и оставаться спокойным не получалось. Как только смотрел только на него, меня начинало потряхивать, а боковым зрением – нормально.

– О! Да ты блогер! – восхищённо уставилась на меня худышка в очках. Настя, кажется.

Захотелось ответить: «О! Да ты дура!», но успокоив себя тем, что наркоманы они как дети и с ними надо попроще, я

стал объяснять.

– Нет, я не блогер. Своего канала у меня нет. Это видео выложили на новостном канале нашего города. Оно, кстати, теперь самое популярное среди всех их видео за всю историю. Я просто человек, которого сняли на видео. Я прикалывался, а тут так вот получилось. Никто мне ничего не платил. Все, что я тут показывал, любой гимнаст сделает даже лучше меня, это очень простые упражнения.

За последний месяц я раза четыре попадал в такую ситуацию, поэтому уже привычно ответил на вопросы, а где я так научился, а почему Маугли, а давно я этим занимаюсь, и так далее. Имя Леонид было тут же предано забвению, я снова оказался привычным Маугли. Интерес ко мне, убитый рассказом об отношениях в стиле «всё серьёзно», а также «я работаю на стройке обычным строителем», вдруг снова разгорелся в глазах Наташи и не у неё одной, что не осталось незамеченным посмурневшим Газецким. Но мне этот интерес нафиг был не нужен, поэтому я все вербальные и невербальные знаки внимания тщательно игнорировал. Какое-то время, я был центром внимания, но компания была под веществами, поэтому долго удерживать одну тему не могли. Девушки убежали на танцпол, утащив парня, с которым я так и не познакомился, Елисея и Газецкого, я же остался за столом с худышкой в очках и ботаником. Ботаник единственный от меня не отставал, всё задавая вопросы, некоторые из которых шли уже по третьему кругу, худышка Настя слуша-

ла.

– Слушайте, а вы расскажите, кто вы хоть такие. Я про себя много чего рассказал. А вы кто и чем занимаетесь? – решил переключить внимание я.

– Я юристом у отца работаю, – не удивил меня ботаник.

– Хореограф, – коротко ответила о себе Настя.

Я присмотрелся. Настя врёт. Жилистость танцора от обычной худобы отличить достаточно просто. Настя не выглядела танцором. Либо жизнь её потрепала, либо так себе она хореограф. Это художник может быть любого телосложения, а хореограф, да ещё молодой – это всегда танцор.

– У кого и где ты хореограф? – поинтересовался я.

– В частном детском садике, – прояснила Настя. Ну, может, и не врёт. В детском садике требования вряд ли высокие к хореографу.

– А остальные?

Мне стали рассказывать про всю компанию, но интерес у меня вызывал в основном, конечно, Елисей. Ничего про него особо нового или важного я не узнал. Вся компания – в какой-то степени мажоры. Все работают, но в основном, как Наташа, в фирмах родителей, кроме Елисея – тот сейчас нигде не работает, так как недавно вернулся с обучения из Англии. Даже Настя работала в садике, владельцем которого была её мама. Не мой круг общения – ни по статусу, ни по интересам.

Чтобы как-то поддержать разговор, я спросил первое, что

пришло на ум:

– А не знаете, чей это Корвет на стоянке?

– Это Анатолия Фёдоровича, вон он сидит в серой водолазке, – указал головой ботаник на крепкого мужчину лет пятидесяти с короткой стрижкой седых волос, который тоже сидел за столиком на галерее вдвоём с очень симпатичной брюнеткой в красивом вечернем платье. – Он владелец «Ножа», это ЧОП, который, кстати, этот клуб охраняет. Серьёзный мужик, офицер в прошлом каких-то особых войск или спецслужб.

– Прикольно. Самая крутая тачка на стоянке у клуба у охранника. Ему, правда, как-то больше Гелик подходит.

– Ну, он не совсем охранник, но в чём-то ты прав. Так у него, кстати, и Гелик есть. На Корвете он редко ездит, – выдал мне информацию ботаник.

Я посмотрел на Анатолия Фёдоровича ещё раз. И так получилось, что тот как раз в этот момент посмотрел на меня. Ох, и правда, серьёзный мужик. Прямо, очень серьёзно на меня посмотрел. Надавил взглядом так, что невольно захотелось опустить глаза. Я и опустил. Мне вот сейчас с непонятным бывшим офицером каких-то неведомых спецслужб ещё не хватало в гляделки играть. Получается, это начальник небритого Николая. Вот, чёрт, вспомнил, как он тут как тут.

Прямо в этот момент к Анатолию Фёдоровичу подошёл мой недавний знакомый Николай и, наклонившись, начал что-то ему рассказывать или докладывать. Военным, скорее,

докладывают. Я посмотрел по сторонам, потом будто случайно перевёл взгляд на Николая, но вместо него снова упёрся в глаза Анатолия Фёдоровича. Только теперь он смотрел на меня с интересом, будто что-то обо мне знал, при этом неприятное давление из его глаз никуда не исчезло. Наша компания уже привлекала внимание, когда все сначала с оханьем и аханьем смотрели ролик с моим фееричным выступлением, кричали «Маугли?! Классное имя!», потом ржали, когда я рассказывал историю, как это всё оказалось снято. Блин, вот интереса к моей персоне мне только не хватало. Я снова опустил взгляд. Понятно, что там Николай про меня рассказал. Ябеда-корябеда, блин. Кстати, сам Николай уже куда-то исчез.

Захотелось в туалет. Ну, туда дорога мне известна, тем более хотелось уже свалить от настойчивых вопросов ботаника. Такое ощущение, ему про меня было интересно абсолютно всё. Оказывается, он уже посмотрел остальные видео с моим участием. «А вот это видео, как ты на простыне болтаешься с криками «секонд-хэнд – одежда пролетариата» – это как так получилось? Тоже случайно?» «Это опасно на высоте пяти этажей на одной простыне качаться?» Пришлось рассказывать, что это не простыня, а целых два пододеяльника. Что это эксперимент изначально, а не эпатажная выходка. Что я проверял, можно ли на простынях спуститься по стене. Проверил. Можно, только нужно больше простыней, вернее, пододеяльников. Почему кричал, почему раскачивался? Ну,

а что было делать? «А вот это видео, где ты интервью даёшь на фоне здоровенного бетонного члена и рассуждаешь, что раз в России все так давно и так часто посылают именно сюда, то сносить этот памятник культуры не следует, люди должны знать, куда идти и как это место выглядит, а также продвигал идею, что нужно расширить композицию и ещё и жопу слепить, мол, она тоже многое в нашей стране символизирует. Это как получилось?»

Я не стал рассказывать, что я автор идеи и основной создатель этой композиции, просто сказал, что интервью у меня взяли, так как я работал там рядом. «А рисунок голой девушки на центральной площади?» Пришлось рассказать, что я с крыши сфотографировал площадь, распечатал фотографию, на неё наложил рисунок обнажённой девушки, потом вручил Лёхе и Серёге тачку с известковым раствором (он когда засыхает, становится практически белым) и с помощью мата и мобильной связи с крыши контролировал, как те вёдрами поливают асфальт по моим указаниям. Рисунок худо-бедно получился. Назвал я его «Самые большие сиськи в городе» и пустил в свободное плавание по интернету. Нас приходили ругать из администрации города, но, говорят, мэру рисунок понравился, поэтому он до сих пор на площади присутствует. В итоге всех этих расспросов ботаник окончательно стал моим фанатом, надеюсь, автограф не попросит.

Я не выдержал и сбежал от приставаний ботаника в туалет. Там зашёл в ту же кабинку, где приходил в себя после

встречи с Елисеем. Внезапно, за перегородкой слева, кто-то заговорил:

– Какого клоуна? – пауза. Видимо, разговор шёл по телефону или рации, и мой сосед слушал, что ему говорят в ответ. – Который на галерее с мажорами сидит, с Наташкой пришёл?

О! Скорее всего, про меня. Что говорили невидимому соседу по кабинке, я не слышал. Минуту, наверное, была тишина. Потом снова заговорил мой сосед:

– А Фёдорыч одобрил? – пауза. – Бери Хилого и Шурика, я тебя заменю на входе. Развлекайся сам с ними, меня на приключения не тянет. И пусть мстя твоя будет ужасна, Колян!

Ага. Информативно. Получается, Небритый решил устроить бой-реванш, причём секундантов со мной решил не согласовывать, а взять своих для надёжности. Что-то мои шпионские приключения идут совсем не по тому сценарию, что я планировал. Пусть даже я вообще толком не планировал. Надо валить отсюда. Куда-то не туда меня слежка за Елисеем так приведёт. Основное я выяснил: Елисей тусит в этом клубе.

Я дождался, когда охранник, которого я не видел, но слышал, наконец покинул туалет, после чего вышел и направился к компании. Елисей снова сидел на своём месте.

– Ребята, было здорово с вами познакомиться, но завтра рано на работу, поэтому я домой!

– Эй погоди, пятница же, завтра выходные, какая работа?
– удивился ботаник.

– Мы без выходных работаем. Объект большой, людей мало. Какой здесь адрес? Кто знает? – я вытащил телефон и стал вызывать такси через приложение.

– Я не знаю, я сюда пешком хожу всегда и отсюда тоже. Как-то даже не интересовался. Мне если дворами и потом по территории завода идти, то мой дом отсюда всего в пятнадцати минутах, – сказал Елисей.

И это была самая ценная информация за весь день! Он ходит сюда пешком! А учитывая, что тут развалины завода, то шансы его подстеречь по дороге из клуба немалые. Ну, что ж, я совсем не без пользы провёл этот вечер. Только надо быстрее сваливать отсюда, возможно, Николай ещё не успел организовать. Наташа объяснила, как удобнее вызвать такси, я вызвал машину и направился на улицу.

На выходе стоял незнакомый охранник. Небритого не было. Такси нельзя было вызвать ко входу в клуб, только к остановке на дороге неподалёку от проходной. Чтобы оказаться на этой остановке, надо было пройти вдоль стоянки и потом через полуразвалившуюся проходную. Освещение было так себе. Прожекторы, направленные на стоянку, только затемняли всё, что было за её пределами, а обычных фонарей было совсем немного. Я осмотрелся и, не увидев ничего подозрительного, пошёл к проходной. Возможно, ещё не успели собраться, хотя отсутствие Николая на входе меня напряга-

ло. А возможно, и успели собраться... До приезда машины оставалось ещё несколько минут. Я шёл, стараясь незаметно посмотреть по сторонам и прислушиваться, но пока всё тихо.

Когда зашёл в проходную, мне навстречу встал человек. В темноте было не видно лица, но, судя по фигуре, это не Николай. Тот покрепче и повыше. Этот какой-то узкоплечий.

– Молодой человек, а пропуск у вас есть на выход с территории завода? – голос у фигуры оказался противным. Хотя, может, сама ситуация не давала оценить красоту тембра. В общем, фонило от собеседника неким негативом.

– Нет, пропуска нет. А нужен? – постарался вежливо ответить я, отчётливо понимая, что это как раз тот случай, когда вежливость – не лучшее оружие. Сзади меня из той части проходной, где обычно сидит охранник, вышли двое. Один – Николай. Мне хватило полсекунды, чтобы обернуться и узнать его. Вот я баран! Попёрся сам туда, где лучше всего меня поймать, и где в замкнутом пространстве один против троих я не очень-то и воин. Мог обойти, мог через забор перелезть...

Мысли ускорились, а потом ускорились и события.

– Здравствуй ещё раз, убудок, – Николай ничуть не скрывал своего ко мне отношения и даже на гопническую вежливость его сил не хватило.

Никаких тебе «прикурить не найдётся?» – сразу оскорбления. Я не мучался муками выбора, как красиво ответить, – на помощь пришёл классический алгоритм для таких си-

туаций.

– Сам ублюдок!

Дайте мне минуту, и я придумаю, как ответить красиво, но в такой ситуации мозги были заняты совсем не поиском красивых слов.

Тот охранник, что спрашивал меня о пропуске, решил воспользоваться тем, что я отвлёкся на Николая, и резко сделав шаг ко мне выбросил прямой удар левой в голову. Всё это было сделано невероятно быстро, но я, к собственному удивлению, не менее быстро сместился в сторону, пропустив кулак всего в паре сантиметров от виска.

Странный режим, в котором я уже побывал во время драки на стройке, снова включился. Тело действовало практически само. С удивлением я осознал, что не просто увернулся от удара, а пока ударивший меня мужик не успел вернуть руку, уже схватил его за рукав и дёрнул в направлении движения удара. Он провалился вперёд, сделав ещё один шаг и практически повернувшись ко мне спиной. В спину я его и толкнул – так, что он шагнул на не успевших присоединиться к поединку Николая с безымянным другом.

В принципе, можно было атаковать, я внезапно понял, что и как делать, чтобы сложить все три тела передо мной на землю в бессознательном состоянии, но проверять на практике хрен знает откуда взявшиеся боевые теории не стал. Вдруг, у меня к этим теориям практические навыки отсутствуют? Вместо этого я обернулся к выходу из проходной. От двер-

ного проёма меня отделяла только обычная пропускная вертушка турникета. Не препятствие для гимнаста. Шаг, прыжок, ещё пара шагов, и я выбежал из проходной к дороге, куда с минуты на минуту должно было приехать такси. Но у меня этих минут не было, поэтому я просто побежал вдоль шоссе.

Буквально через секунду из проходной выскочили три фигуры и, быстро сориентировавшись, побежали за мной. Вот тут уже я не был уверен в удачном развитии событий. Я гимнаст, а не бегун. Если вдруг кто-то из этих засранцев лучше меня подготовлен по лёгкой атлетике, то снова придётся проверять, кто лучше подготовлен в боевых искусствах. Я бежал, они бежали. За несколько секунд, что мы мчались по плохо освещённой улице, было не ясно приближаются они или отдаляются. Но топали уверенно. И, вроде как, не отдалялись.

Что же делать? А если так...

– ПОЛИЦИЯ!!! ПОМОГИТЕ!!! НАРКОМАНЫ!!! УБИВАЮТ!!! СПАСИИИИТЕЕЕЕ!!! АААААА!!! – как мог громко заорал я. А мог я очень громко, ведь на лесах приходится орать, перекрикивая шум работающего компрессора или дорожного движения. Друзья шутили, что лучше всего у меня получается нота «А!». Вот эту ноту я и исполнил на максимальной громкости. Дыхание таким криком, конечно, сбилось напрочь, но я умудрился не потерять скорость.

Сзади послышался недовольный мат. Я продолжил бе-

жать, уже стараясь сбросить дыхание, и через несколько секунд услышал вслед снова мат, но уже бессильный. Охранники решили прекратить преследование, ограничившись исключительно попытками нанести мне словесный урон. Но к этому у меня в силу специфики профессии иммунитет. Увеличив расстояние между нами на несколько десятков метров, я перешёл на шаг. Обернувшись показал троице факи с обеих рук, после чего не удержался и проорал как мог громко:

– ОХРАННИКИ ИЗ «НОЖА» – ГАНДОНЫ!!! – напоследок выдал я бесплатный диагноз своим ленивым и ненастойчивым оппонентам. Ну, действительно, как-то быстро сдались.

Николай дёрнулся бежать, но его остановил тот охранник, что пытался меня ударить.

Я развернулся и побежал дальше по дороге. Позвонил таксисту, попросил приехать к тому месту, где остановился. После чего уже без приключений добрался до гостиницы. На улице было уже светло. Около пяти часов утра.

Я написал в чат бригады, что приду не к девяти утра, а к десяти, и пошёл спать.

Глава 4

Проснулся я в восемь утра полностью выспавшимся. Это было странно, так как чуть больше трёх часов сна после всех приключений – это мало. И вообще, кроме очень быстрого восстановления у меня было ещё много вопросов. И все вопросы ко мне и обо мне.

Я хочу убить Елисея – это понятно. Да, это не обычная ситуация, но тут у меня самого нет вопросов. А вот моё поведение в моменты, когда на меня нападают, – это вызывает вопросы. Почему я плохо помню эти моменты, они будто затуманиваются, – один из этих вопросов. Я попытался вспомнить своё состояние в момент, когда мы вчера дрались во дворе гостиницы и потом, когда меня атаковал друг Николая, и эти воспоминания были какие-то мутные и тяжёлые. Приходилось прилагать серьёзные умственные усилия, чтобы снова пережить это ощущение. Я постарался вызвать это состояние осознанно, но ничего не получилось. Всё казалось чем-то незначительным и нереальным, но тем не менее – это было. Если бы не два раза за сутки, я бы может и оставил это без внимания, но оно было и было это очень необычно.

Потом в череде непоняток идут мои залипания и выпадения из реальности, когда я думаю про Елисея. Я реально не слышу и не вижу ничего, хотя стою с открытыми глазами. Почему это со мной происходит?

Далее, моё открытие о самом себе, что я реально подрался только один раз в жизни всерьёз и было это вчера. До этого я ВСЕГДА избегал того, чтобы ударить кого-то. Увернуться, убежать, уклониться – пожалуйста. А чтобы я кому-то хотя бы нос кулаком разбил, такого не было. Но и мне никто никогда ничего не разбивал! Вчера я, можно сказать, стал настоящим пацаном. А до этого никогда даже не думал об этом. Причём усилий на избегание драк иногда тратилось в разы больше, чем если бы я реально подрался. Толкнуть мог, а вот врезать от души – никогда. Почему так?

И странно, что я именно этот факт своей биографии практически не помнил. То есть всё, что связано с драками или поединками в памяти хранилось, но доступ к этой памяти был какой-то кривой. Почему я всегда избегал драк? Может быть, сыграло свою роль воспитание. Тренер всегда говорил, что насилием ничего не решишь, а тренер у меня авторитет. Но чисто статистически, я должен был бы подраться хоть когда-то хоть с кем-то. Но нет. Ни разу. Даже стыдно как-то.

Потом периодически возникающее ощущение какой-то неправильности. Как двадцать пятый кадр – ты что-то видел, но ты ничего не видел, но ты что-то видел, но не знаешь, что же ты видел. Только у меня не «видел», а «подумал». Я что-то подумаю, но потом не знаю, что это было. Ухватить мысль или мысли никак не получалось. От этого только интереснее, что же это за мысли такие неуловимые?

И давно у меня это?

Я с удивлением отметил, что как минимум на последний вопрос я знаю ответ. Я знаю, когда всё началось. Это началось после «той фигни», которую мне очень не хотелось вспоминать.

Ну, что ж, не хотелось, а придётся.

Вот с чем у меня не было проблем, так это с тем, чтобы сделать то, что совсем не хочется или неприятно. Спорт – он в этом плане закаляет. А может, я и до спорта таким был. Сколько себя помню, всегда у меня была внутренняя дисциплина, которая диктовала взять и сделать то, что надо сделать, и не слушать никакие оправдания, особенно если я сам их генерирую. Один из лучших способов не слушать оправдания – не произносить их. Что-то сделать я себя могу заставить с лёгкостью. Вот и сейчас появилось это чувство, что мне надо сделать что-то сложное или неприятное.

Да без проблем! Но что именно мне надо делать?

Дело в том, что «ту фигню» я практически не помню. Вернее, помню только начало и конец, а середину – полный ноль. Сейчас мне неожиданно для себя показалось очень важным вспомнить, что со мной происходило.

Вот и не буду откладывать.

Итак. Как всё начиналось.

Начиналось с того, что после работы мы остались праздновать день рождения Сани-штукатура. Решили сесть в нашем гостиничном номере. Я переоделся в чистые шмотки из сэконд-хэнда, так как собирался остаться ночевать в го-

стинице и не планировал никуда выходить. Парни принесли спиртного...

Я поправил подушку и начал вспоминать дальше как можно более тщательно...

– Маугли, а почему у тебя девушки нет? – спросил Женья-скульптор, – Парень ты видный, если девчонки мимо лесов идут, то только на тебя глазают.

– Саня, ну какие девушки, работаем с утра до вечера. Некогда!

– Ну, у тебя же и до этого никого не было. Ты же и в прошлом году тоже самое говорил. И между сезонами у тебя никого не было.

– Да откуда ты знаешь? Может, было.

– Ну поклянись, что у тебя кто-то был за последний год!

Было немного стыдно, но пришлось признать, что никого не было. Парни пили водку, а я морс. Но настроение после всех этих вопросов испортилось. Действительно, как-то в личной жизни не клеилось. Причём, исключительно по моей вине. Эти грустные размышления наложились на очередное предложение выпить за именинника, и я, неожиданно сам для себя, согласился. И во время следующих тостов не отказывался.

Наверное, я напился. Второй раз в жизни. После первого я решил никогда больше не пить, так как сделал то, чего никогда бы не сделал трезвый... Наверное. Но вот напился. Почему «наверное, напился»? Потому что я всё осознавал и

сейчас мог практически всё вспомнить. В какой-то момент я общался с парнями, а потом залип. Слышал всё, что происходит, но ни на что не реагировал. Сидел с открытыми глазами.

– Эй, Маугли! Ты меня слышишь? – тормозил меня Женья.

– Похоже, он напился.

– Мы первые люди в истории этой планеты, кто видит Маугли пьяным, – весело прокомментировал Семёныч. – Но, если честно, не впечатляет. Трезвый он веселее.

С этим все согласились, после чего продолжили застолье без моего участия и вскоре разошлись по домам. Оставив меня на кровати одного в номере аккуратно заваленным на бок.

Тут пришлось поднапрячься. Воспоминания затормозились. Вот я лежу на постели, а вот уже зачем-то вышел на улицу. Зачем? Я напрягся и вспомнил. Я кого-то искал. Я должен был кого-то найти. Это был мой долг, моя задача. Какое-то старое обещание. Я обязан кого-то найти! Только что я лежал, как овощ, и вдруг всё неуловимо меняется. Я не могу лежать, я должен идти и найти. Я встал с постели и вышел на улицу, одетый в одежду из секонд-хенда, а именно в трико, футболку невнятного цвета, а на ногах чешки. Чешки – это у меня по привычке вместо тапочек. Когда занимался в зале, то носил их, то нет, а когда ушёл с гимнастики, то стал носить дома как тапочки...

Так что там дальше...

Я иду по улице и спрашиваю людей вокруг:

– Вы видели её? Вы знаете, где она?

Ага. Оказывается, Маугли ищет какую-то её. О! Да у меня, сука, романтическая история, о которой я, блин, не знаю. Красиво! Вопросов к себе стало ещё больше. Что же я там дальше творил?

А творил я странные вещи... Сначала просто ходил и спрашивал прохожих, не видели ли они её, не знают ли, где она. Так продолжалось около часа. Потом подошли два полицейских. Я при этом стоял прямо, не шатался и впечатление пьяного не производил. О последнем я догадался со слов одного из полицейских:

– Да, вроде, он не бухой. Не похоже, – и потом уже, обращаясь ко мне, он представился и попросил документы.

Документов не было. На вопрос, где я живу, я указал на гостиницу и спросил, кто они такие. Они ответили, что полицейские. Я спросил, не знают ли они, где она. Они спросили, кто она. Я сказал, что не знаю. Я ищу её, но, кто она и где она, я не знаю. Мне нужна помощь. При этом я не шатался и в целом как пьяный себя не вёл. Меня спросили, как меня зовут, я ответил, что Маугли. Сейчас, я понимаю, что впечатление производил странное. Мускулистый парень в стрёмной футболке, тренировочных штанах с оттянутыми коленками, оранжевой панамке и заношенных до дыр чешках ищет неизвестно кого, в целом на пьяного не похож и зовут его Маугли.

При этом на постояльца гостиницы я тоже не очень походил.

Полицейские как могли вежливо обещали мне помочь и посадили в машину. Моё истеричное желание найти некую её никуда не уходило. Я продолжал сыпать вопросами. Вёл я себя неадекватно, но, к сожалению, не как пьяный. Всех деталей я так и не вспомнил, но в итоге оказался в психушке. Грязный, так как не принял душ после работы, в странной одежде, без документов. Меня расспросили, кто я и откуда. Я отвечал односложно, вёл себя нервно, но не конфликтно. В итоге поместили в палату. Закрыли. Я начал стучать в дверь. Вошли санитары и уговорили лечь. Не били, а как-то аккуратно направили на постель и положили. Постель оказалась не простая, а с ремнями. Руки и ноги мне зафиксировали, потом что-то вкололи.

Тут я забуксовал. Вместо воспоминаний упёрся в темноту. Возможно, я тогда закрыл глаза. Как вспомнить что-то, если ты в тот момент без сознания? Я не знаю. Но мне надо! Если глаза закрыты, я буду слушать. Я поворочался на кровати и прикрыл глаза, продолжим! Как мог восстановил в памяти момент укола, и стал стараться сконцентрироваться на звуках вокруг в тот момент.

...Звук открывающейся двери. Шаги. Высокий неприятный мужской голос:

— Вряд ли мы найдём кого-то лучше. Документов нет, по одежде бомж, грязный, ведёт себя абсолютно неадекватно. Даже если будут вопросы, то он к нам попал в настолько пло-

хом состоянии и столько людей это видело, что никаких подозрений мы не вызовем.

– Удалось узнать, кто это? – уверенный голос. Мощный и сильный, при этом не громкий. Голос человека, имеющего право требовать и приказывать, главного.

– Пока нет и вряд ли за сутки мы это узнаем, а времени в обрез. Даже если это мажор, сюда-то он попал невменяемым, поэтому подозрений не будет. Да и нам так даже лучше... Надо принимать решение. Он сказал, что зовут его Маугли, он живёт в гостинице на стройке, сегодня он пил с друзьями, но сейчас должен найти её. Одет как бомж. Может и правда бомж, может просто прибухнул. Но алкоголя в крови не очень много – он реально с отклонениями. От такого количества настолько сильно крышу сносить не должно.

– Хорошо. Используем его, – принял решение голос, который, казалось, создан, чтобы принимать какие-то неприятные решения. Неприятные для других.

– Отлично! Алгоритмы обновили, оборудование протестировано, сейчас поместим его в капсулу. Надо проверить, как всё работает на человеке с умственными отклонениями. У этого придурка точно с головой что-то не так. Иванов просил при случае как раз с такими поработать.

Почему-то мысль, что меня, по всей видимости, использовали в каком-то эксперименте, не особо удивила. Я продолжил прислушиваться, стараясь как можно точнее пережить всё, что происходило.

...Что-то неприятно кольнуло в руку. Укол. Голоса.

– Сюда...

– Вот так...

– Крепите...

С меня сняли одежду, что-то холодное, вроде как металлическое, коснулось головы. Опять укол, ещё укол. Я потерял чувствительность тела. Ощущение полного паралича...

А потом началась боль. Паралич и боль – страшное сочетание!

Если бы я мог кричать, прокричал бы дыру в потолке, но я не мог. Это страшное чувство, когда ты не можешь контролировать тело, не можешь даже корчиться, при этом боль такая, что порвал бы в судорогах не только стягивающие ремни, но и мышцы со связками. Но никакого напряжения мышц не было – тонус тела был, как у медузы на раскалённом солнцем песке. Это было страшно. Это было очень страшно. И очень больно.

И вдруг я осознал, что уже перед глазами момент, когда я проснулся на постели в палате, пристёгнутый ремнями. Немного растерянный, но в принципе в порядке. Никакой боли, никакого паралича. Я ничего не помнил. Ни как там оказался, ни что происходило после того, как я начал пить с парнями на дне рождения.

Я попытался ещё раз вспомнить, момент, когда меня подвергли пытке, но только усилил головную боль, которая, оказывается, уже не на шутку разыгралась за время моих само-

копаний. Чёрт. А вот сейчас я себя действительно чувствую, как человек, который не выспался и который вчера бухал. Во всем теле слабость, голова болит. Довспоминался, блин. Я не был до конца уверен, что это не выдумки. Но всё-таки, если это обычное воображение, то откуда настолько сильная головная боль здесь и сейчас? Если то, что я вспоминал, нереально, то боль-то моя прямо сейчас очень даже реальна.

Лежать не хотелось. Вроде как, я предупредил, что приду попозже, но не терпелось начать что-то делать руками, выйти на улицу, вытащить внимание из своей головы. При этом я понимал, что мне придётся к этим воспоминаниям вернуться. Но не сейчас и не сегодня – это уж точно.

Я пошёл в душ. Отражение в зеркале посмотрело на меня красными глазами, по-настоящему красными, не как бывает, когда на руках долго постоишь, или вниз головой повисишь, а... А даже не знаю, с чем сравнить. Казалось, у меня из глаз скоро кровь потечёт, настолько сосуды были полопавшиеся.

Я наклонился над краном, чтобы ополоснуть лицо холодной водой, и тут же из обеих ноздрей заструилась кровь. Это что-то новенькое. Кровь из носа – вот так, сама по себе, – у меня не шла никогда. Я растерялся. Не придумал ничего лучше, чем свернуть затычки из туалетной бумаги и вставить их в ноздри. Затычки тут же покраснели, но функцию свою выполнили – из носа течь перестало. Но поскольку само кровотечение не остановилось, кровь потекла в горло. Жесть.

Вид у меня при этом был тоже так себе. Очень бледное

лицо, красные глаза, два красных тампона в каждой ноздре. То же мне, блин, месячные через нос... Что же делать? Вызывать скорую?

Кольнул страх. Люди в белых халатах меня теперь пугали. Я прислушался к себе. Кроме общей слабости, стрёмного внешнего вида и кровотечения всё было в порядке. Головная боль незаметно исчезла. Вернулся в постель, лёг на спину. Носовое кровотечение не останавливалось, кровь шла в горло, приходилось сглатывать. Блин.

Полежу ещё. Полежал. Кровь постепенно остановилась. Я полежал ещё минут десять. Вроде, всё. Пошёл в душ. Решил не наклоняться больше над раковиной. Помылся в душе. Вытерся, подошёл к зеркалу. Краснота глаз уже не была такой ужасающей, но всё равно глаза были аномально красные. В остальном чувствовал я себя более-менее сносно.

Ну, можно пойти попробовать поработать.

Я оделся и пошёл к подсобке. Времени было девять с четвертью. Дверь была закрыта, но изнутри раздавались голоса. Я уже было толкнул дверь, как речь зашла обо мне, а в таких случаях я считаю так: раз меня обсуждают за моей спиной, то я за их спиной буду это слушать.

Началось с вопроса Лёхи:

– Парни, а у Маугли такое уже бывало?

– Что именно? С ним много чего бывало, – это штукатур.

– Ну, вот так заливает. Раньше с ним такое было? А то мы его спросили, он съехал, говорит, нормально всё.

– Да не, такого не было с ним никогда. Вот как из психушки его вытащили, с тех пор так залипает. А так конкретно таких странностей не было никогда. Я его пять сезонов знаю.

– А что другие были?

– А ты сам не видишь? Не странности. Ненормальности. Во-первых, ты видишь, как он работает? Он минимум троих заменяет, а иногда и пятерых. Был случай, когда он только к нам устроился. Наверное, только неделю работал. Мы на выходной ушли всей толпой, а он сказал, что делать ему нечего, мол, придёт поработать, спросил, что ему одному делать. Семёныч сказал, чтобы леса ставил. Пошутил, значит. В одно тело леса ставить – такого никогда не было. Мы на следующий день пришли – леса стоят. Причём без настила. Говорит, настил не успел положить. Он как обезьяна по перекладинам прыгал и пять этажей лесов поставил. Часов двенадцать он их ставил. Это просто один пример. А так он не раз что-то такое вытворял, и всё больше как по приколу ему.

На самом деле часов шестнадцать, припомнил я, но разница небольшая. Устал сильно, да, но ничего особенного я сам в этом не видел.

– Для него в принципе невыполнимых заданий нет. Он если берётся, то делает, либо не берётся. Но чаще берётся, – тем временем продолжал Саня.

– А вот ты, Лёха, помнишь, чтобы хоть раз мы его не послушались? – это уже Женя продолжил лекцию на тему такого необычного меня. – Если вот он что решил, то постро-

ит всех. Причём не орёт, как иногда Семёныч, а просто говорит, что так надо. И ты понимаешь, что надо и всё. Хотя прямо перед этим понимал, что нафиг оно не надо. Сколько раз за последний месяц ты под проливным дождём работал? Раза четыре? Сколько раз дождь шёл, столько и работал. Маугли сказал, что надо раствор выработать, а погодные условия – это не его проблема. И работали. Убедить любого может – не фиг делать. При этом его самого построить тоже без проблем. Если надо, то из него помощник лучше, чем из вас обоих. Я, говорит, ваш преданный раб, господа, и пашет за троих. Так не бывает. Человек либо командует, либо им командуют. А этот и там, и там мастер спорта. И как подчинённый, и как начальник.

Ну, тоже ничего странного. Разумные приказы выполнять – что тут такого? А если надо работать, то надо работать. Я не очень понимал, что парни в этом находят странного. Я свою высокую эффективность тоже на спорт списывал обычно, но сейчас задумался, а так ли это.

– Парни, вы поймите, мы уже лет двадцать на стройке работаем, на разных объектах были, и спортсмены с нами работали, но такого никогда не видели, – поддержал Саня.

Тут подал голос Серёга:

– Мне вообще кажется, что он на этой работе как в отпуске. Это мы впахиваем, устаём, зарабатываем, доказываемых родителям, что настоящие мужики, можем настоящую мужскую работу делать, а он просто развлекается. При этом лю-

бую работу делает лучше всех.

– Это да, есть такое, – согласились почти в один голос штукатур и скульптор, – с ним не соскучишься.

– А помнишь, Сань, – Продолжил Женя, – как он проповедь с лесов читал? Приходит с книжкой на работу утром, говорит, какие-то товарищи его пытались в свою веру обратить по дороге на работу, он сказал им, что спешит, но литературу взял. Думали, зачем взял, всё равно читать не будет. Он на перерыве почитал, говорит, что ничего такого страшного не написано. Потом раз, и убежал с обеда пораньше. Мы приходим, а перед лесами толпа народу стоит, а этот чудила, обёрнутый в простыню, как грек какой, с брошюркой читает народу, что нехорошо жить во блуде и убеждал пойти покаяться. Половину текста проповеди из книги, а половину из Ляписа Трубецкого из песни «Зеленоглазое такси». Примерно так звучало: «Я выходил вечером на улицу, и видел народ погрязший во грехе. И лишь маленькие ночные бабочки вели смиренный образ жизни... И так далее». А теперь, говорит, когда вы знаете, как жить правильно, закройте глаза и пойте за мной «оооо, нанананана». Кто-то ржёт, кто-то повёлся. В паблики он тоже тогда попал, но такой популярности, как со стриптизом, конечно, не было.

– Да, со стриптизом он отмочил знатно... – поддержал Саня.

Лёха продолжил расспросы на тему меня:

– Я вот не пойму, чего у него подруги нет.

– Никто не понимает. Вроде, все девки заглядываются, а он их, как вы, молодёжь, говорите, «френдзонит» по имени отчеству, – показал познания в области молодёжного слэнга Женя. Потом продолжил. – Он как-то обмолвился, что были у него сложные и короткие отношения, и сейчас у него всё на паузе. Мы ему говорим, давай, мол, замути хотя бы с Крокодилом или Экскаватором. Заодно и помиришься окончательно. Но он сказал, что к отношениям с падшими женщинами не готов ни при каких условиях. Тем более с такими именами, хотя сам им их и дал.

Не, ну они же не серьёзно мне это предлагали! Крокодил и Экскаватор – это местные наши гостиничные проститутки. Мы сначала не поняли, кто это такие. Ну, я не понял. Мы разбираем леса. Стоят две девушки неподалёку от нас. Я вижу, что пыль сейчас на них полетит. Крикнул, предупредил и попросил отойти. Вежливо. Они посмотрели на меня, как на придурка, и ответили соответственно – что-то типа «сам вали, придурок». Ну, я настил с кучей пыли и перевернул. Не специально, я так и так леса разбирал. Ну, совсем немного специально, ладно. Их засыпало пылью с ног до головы. Не так, как бывает, когда прямо под лесами стоишь, но ощутимо. Они давай на меня орать, типа, иди сюда. Одна грозила, что меня порвут на части, другая, что закопают в асфальт. Я пытался как-то им объяснить, что они сами не отходили, но дамы впали в истерику и орали на меня нецензурными словами. В итоге пришло их начальство в виде ка-

кого-то надменного типа, выслушало мою версию событий, вежливо извинилось и ушло, а мне сотрудники гостиницы в этот же день объяснили, что я пытался девушек с их рабочего места согнать, заодно прояснили их социальный статус.

В общем, конфликт не развился, но я, когда эту историю пересказывал бригаде, то, не зная имён, назвал ту, что меня хотела порвать, Крокодилом, а ту, что укатать и закопать, Экскаватором. Прозвища бригаде понравились, потом они понравились персоналу гостиницы. Со страхом и смирением жду, когда Крокодил и Экскаватор узнают, что это я автор этих прозвищ. Я с девушками позже помирился, но если они узнают, что это с моей подачи их теперь только так за глаза называют, то даже не знаю, что и будет. Как мстят проститутки?

Парни тем временем продолжали обсуждать мою личную жизнь, но поскольку жизни той, к сожалению, по факту не было, то и обсуждать ничего не получилось.

– В общем, Маугли – это, – решил подытожить Саня, – какой-то распи... так, нельзя же матом... сейчас...охламон, нет, обалдуй, нет, а вот! Раздолбай он! При этом трудоголик-перфекционист. Он и правда, как в отпуске.

По всему выходило, что парень я со странностями не только по собственным меркам, но и в глазах окружающих. Ладно, ничего страшного. Парни ко мне относились по-доброму. Я выждал минуту и зашёл в подсобку.

– Привет воинам-строителям-победителям, – приветство-

вал всех я.

– Здорово, – ответил Лёха.

Его тут же перебил Серёга:

– Маугли, что у тебя с глазами?

– Да, пошёл в клуб и не спал почти до утра, – по максимуму сократил я свои приключения.

Поскольку внешность моя уже не была такой пугающей, как буквально полчаса назад, всех объяснение удовлетворило. Парни, уже переодевшиеся, пошли наружу, а я снял с вешалки синий кусок простыни. Вспомнить бы, это портянка или бандана...

Рабочий день начался.

На обеденном перерыве мы делились впечатлениями от опыта работы без мата. Как раз подошёл Семёныч. Было интересно. Особенно всех развеселила ситуация, когда Димон в ответ на претензии штукатура, что вовремя нет раствора, ответил, что у него небольшой интим с подключением бетономешалки. Штукатур пообещал Димону интим с компрессором, если тот не закончит вовремя свои отношения с бетономешалкой. В общем, всё это было ново и интересно. Много обсуждали вчерашнюю драку. Семёныч вызвал кучу вопросов из-за своих бойцовских навыков. Тайны он не делал и рассказал, что занимался с детства рукопашным боем, участвовал в соревнованиях, в армии продолжил, поэтому «кое-что осталось». Ну, «кое-что» у него однозначно на неплохом уровне.

– Знаете, что, парни, – подытожил рассказ о своих бойцовых навыках Семёныч, – если у вас получилось чему-то научиться, не забывайте это. Постоянно тренируйте приобретённый навык. Вот ты, Маугли, сел на шпагат, так и продолжай его тянуть. Перестанешь поддерживать, потеряешь. Если вы уж что-то развили, то не забрасывайте. У меня на даче несколько груш висят в гараже. Вот я и не забываю, чему научился много лет назад. Если вы что-то умели, сумеете снова, но только если не будете забывать и забрасывать свои навыки. Как видите, вчера мне всё пригодилось. Хотя, конечно, до последнего не верил, что эти придурки в драку полезут. Нафиг им это было надо?

Мне запали в душу слова Семёныча. Что-то очень важное было в его словах про то, что, если умели раньше, сумеете снова. Именно для меня важное. Но никакого развития мысль не получила, поэтому я включился в беседу:

– А я встретил вчера того мужика, который самый дерзкий был, – поделился я, – он из ЧОПа «Нож», на входе в клуб стоял, когда мы с друзьями пришли. Тоже меня узнал, но при людях перегреваться не стал.

Я решил не рассказывать о подробностях вечерней погоны.

– ЧОП? Могу тогда предположить, что вчера было, – немного подумав произнёс Семёныч. – Они рекрутов набирали и смотрели, как те себя проявят. Даже если бы Аня не подошла, всё равно бы драться пришлось. Теперь понятно,

почему они такие дерзкие были. Даже интересно, Петя в итоге на работу устроился или нет.

– Сто процентов так и было, – согласился Лёха и тут же переключился на меня. – Маугли, пошли тренироваться!

– Пошли! – причин отлынивать у меня не было.

– Смотри, Маугли, – начал инструктаж Лёха, надевая перчатки сам, а не отдавая мне, – сегодня посмотрим, как ты уклоняешься. Вчера у тебя получалось очень технично, хочу посмотреть, как ты это делаешь.

Я остался с голыми руками. Мне запретили бить, сказали только уходить от ударов. Лёха стал прыгать и обозначать удары, не вкладывая силу. Я старался уклоняться, но, схлопотав пару лёгких оплеух, понял, что не получается. Никаких эффектных или эффективных действий я изобразить не мог. Лёха стучал по мне, с лёгкостью попадая по голове и по корпусу. В итоге я просто закрылся руками и присел сдаваясь. Лёха остановился.

– Что-то не то, Маугли. Вообще не похоже на вчерашнее, – прокомментировал Серёга, наблюдающий со стороны. После чего ненадолго задумался и выдал. – Давайте так: мы с Лёхой вдвоём будем нападать. Сейчас я ему скажу как.

Серёга отвёл Леху в сторону и пока одевал свою пару перчаток что-то шептал на ухо. Лёха сначала выглядел растерянным, но потом решительно кивнул головой и даже заулыбался. Что-то задумали... каналы.

Парни встали напротив меня с хитрыми рожами. Потом

Серёга крикнул «Начали», и они начали. Ох, ни фига себе!

Парни атаковали на максимуме скорости и в полную силу. За доли секунды изменилось выражение глаз. Нас разделяло около двух метров. Рывком приблизившись, оба атаковали руками. Серёга начал серию по корпусу. А Лёха с большого размаха наметил мне боковой в голову. Причём никаких сомнений, что бил в полную силу. Я уклонился. Не знаю, как, но никто по мне не попал. Я разорвал дистанцию, но парни сами стояли шокированные и не атаковали.

– Стоп! – запоздало проорал довольный Серёга. – Лёха, ты видел? Получилось!

– Маугли, как ты это сделал? – Лёхина веснушчатая рожа была само любопытство.

– Само получилось, я не знаю, – сам офигев от произошедшего, объяснить я ничего не мог.

– Давай на видео, – предложил Лёха. – Повторим и посмотришь сам.

Пристроили мой телефон, чтобы более-менее камера нас захватывала. Парни встали передо мной так, что мы втроём образовали равносторонний треугольник. В этот раз они, видимо, договорились просто атаковать внезапно, без всяких «Начали!». Стояли и потом практически одновременно кинулись на меня. Я опять умудрялся уходить от всех ударов и отталкивал парней обычными толчками в корпус. Через десять секунд безуспешных попыток попасть по мне Серёга опять проорал «стоп». Пошли смотреть видео. На видео бы-

ло видно, что парни чуть ли не специально промахиваются. Они били туда, где меня уже не было, либо я успевал увернуться в последний момент. Реакция у меня была какая-то нереальная.

– Давай замедленно снимем, – предложил Лёха.

Повторили, сняли. Я по-прежнему не контролировал включение режима... даже не знаю, как назвать, пусть будет «режима неуязвимости». Но срабатывало достаточно точно. И только на серьёзную атаку.

Наконец удалось осознанно прочувствовать это состояние. И нельзя сказать, что ощущения были обычными. Я чувствовал пространство вокруг меня. Будто я прикасался к окружавшему меня воздуху и точно ощущал присутствие посторонних тел в пространстве. Очень интересно. Не слух, не зрение, а больше всего похоже на осязание. Я осязал тело Серёги и тело Лёхи, не прикасаясь к ним физически. При этом я ещё и чётко знал, куда двинется нога, а куда рука каждого из них, и успевал спланировать своё движение так, чтобы не попасть под удары.

Стали смотреть замедленное видео. Парни переглянулись.

– Маугли, ты уклоняешься от ударов, пропуская руку всего в сантиметре от головы. Это нереальный контроль, – высказал своё мнение Серёга.

– Смотри, как нас учили. Лёха, медленно бей прямым в голову, – попросил он.

Лёха провёл удар, Серёга изобразил уклон. При этом голова отклонилась сантиметров на пятнадцать от руки.

– Видишь? Если летит удар, я просто уклоняюсь. Я не могу контролировать, насколько я отклонюсь. Я просто пытаюсь убрать голову от удара. А теперь смотри, что творишь ты. Лёха, также бей, только ещё медленней.

Лёха медленно повёл правый кулак вперёд. Серёга стоял неподвижно. Когда кулак был на расстоянии примерно десяти сантиметров от его носа, Серёга аккуратно сдвинул голову влево, при этом кулак прошёл всего в сантиметре от его уха. Лёха повёл руку обратно, Серёга медленно сделал шаг тому навстречу и чуть толкнул Леху в локоть, закручивая того так, что логичный удар левой рукой уже не мог получиться.

– Понял? Маугли, так работать на серьёзной скорости не может никто. Так может получиться, либо если ты тысячу раз с напарником это отработал – как каскадёры в фильмах про кунг-фу, либо случайно. А тут твоё «случайно» получается «всегда». Мы вообще по тебе попасть не можем. Это фигня какая-то. Так не бывает. Мы легче тебя, а значит быстрее. При этом я помню, как ты бьёшь, – бьёшь ты фигово. Удар у тебя медленный и не поставленный толком. Что-то здесь не так, – продолжил разбор полётов Серёга. Лёха только кивал, соглашаясь.

– Если бы ты бил так же, как уклоняешься, то вчерашних гондольеров ты бы один раскидал за десять секунд. И не факт, что они все смогли бы на своих двоих уйти, – вставил

свое мнение Лёха.

– Парни, я не знаю, как так получается. Честно, – я не врал. Я действительно не мог запустить осознанно в спокойной обстановке это состояние.

Парни, столкнувшись с необъяснимым, с энтузиазмом настоящих исследователей горели желанием заниматься только поиском истины. Они были готовы бросить всё и продолжить эксперименты. Но крик Семёныча вернул нас к действительности:

– Идите работать, бездельники!

– Идём, Егор Семёныч! – почти хором крикнули мы.

Я шёл, задумавшись и в очередной раз прокручивая в уме недавние ощущения, и, когда поворачивал за угол дома, столкнулся с человеком в солнцезащитных очках. О! Неожиданно! Тренер собственной персоной. А я вообще его в очках не узнал.

– Иван Викторович, добрый день! Как вы тут оказались? – я был искренне рад видеть человека, который дал мне очень многое и сыграл в моей жизни невероятно важную роль.

– Привет, Маугли! Да, так... по делам шёл к другу. Как у тебя дела? Всё хорошо? – ответил тренер, сняв очки и пристально глядя мне в глаза.

Почему-то захотелось всё ему рассказать. Все новости. Даже про Елисея. Но я сдержался.

– Да, всё отлично! Работаю, делаю наш город красивее с каждым днём, – как можно более позитивно ответил я.

– Ну, ладно, давай работай! Приходи в зал, как время свободное будет. Кости разомнёшь и расскажешь о жизни своей.

– Обязательно, Иван Викторович!

Тренер пожал мне руку и ушёл.

– Маугли, а что это за мужик? – поинтересовался Серёга.

– Это мой тренер.

– Здоровый, и для своих лет вообще огонь сложен, – это уже Лёха.

– Это да. Классный мужик, – тренера я уважал.

– Он, кстати, часто здесь ходит по нашей улице, несколько раз я его в кафе видел рядом с гостиницей, – поделился своими наблюдениями Серёга.

– Правда? – удивился я. Ни разу не видел его здесь, и он сам не подходил. Да и сейчас просто случайно столкнулись.

Парни пожали плечами и пошли дальше. Я оглянулся, ища взглядом тренера, но он уже куда-то скрылся. Настроение, основательно испорченное утренними экспериментами, снова стало отличным. Со всем можно разобраться, решил я и полез на леса. Никакая кровь из глаз и носа меня не остановит. Если я начал что-то вспоминать, то вспомню всё.

А Елисею осталось жить совсем немного. В следующую пятницу, скорее всего, его не станет. От этой мысли мне стало спокойно. А пока надо работать.